

П. Р. Леиашвили

**Экономикс в тискаx
эмпиризма и догматизма:
причины застоя в экономической науке**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «**СИАХЛЕ**»

ТБИЛИСИ

2013

Паата Леиашвили. Экономикс в тисках эмпиризма и догматизма: причины застоя в экономической науке. Тбилиси, издательство «Сиахле», 2013. – С.71.

В работе проф. П. Леиашвили исследуются причины, препятствующие развитию экономической теории. Приводятся примеры, демонстрирующие неспособность мейнстрима объяснить реальные экономические процессы. Анализируются недостатки применяемых методов исследования. Неоклассическая теория изучает экономические явления, но не сущность экономики. Исследование сущности экономических процессов на основе диалектического метода позволит обнаружить взаимосвязи между экономическими явлениями, которые не могут быть обнаружены с помощью формальной логики или математических методов. Рассмотрены причины догматизации мейнстрима.

Работа рассчитана на научных работников, преподавателей, студентов экономического профиля, а также специалистов, интересующихся вопросами методологии экономической науки.

ISBN 978-9941-9134-1-9

© Паата Леиашвили, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. «Провалы» мейнстрима
2. Причины «провалов» мейнстрима
3. Противоречия, которых "не видят" ортодоксы
4. Можно ли заглянуть "по ту сторону" фактов?
5. Догматизация экономической теории

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованная литература

«Современный экономикс болен. Экономикс все более становится интеллектуальной игрой, которую играют ради нее самой, а не ради практических результатов для понимания экономической действительности. Экономисты превратили дисциплину в разновидность социальной математики, в которой математическая строгость есть все, а практическое значение - ничто. Если взять сегодняшний экземпляр "The American Economic Review" или "The Economic Journal" можно усомниться, не приземлился ли кто на странную планету, на которой преднамеренной целью профессиональной публикации является скука. Когда-то экономикс был осужден как «мрачная наука», но мрачная наука в прошлом была намного менее мрачной, чем наводящая сон схоластика сегодняшнего дня».
(Mark Blaug. Ugly currents in modern economics. "Policy Options". September, 1997, p.4)

Введение

История науки свидетельствует, что интерес к вопросам методологии резко возрастает в кризисные периоды ее развития. Так было и в экономической науке в конце XIX в. во время «маржиналистской революции», также, в 70-80х годах XX века, во время кризиса «великого неоклассического синтеза». Такое же возрастание интереса к проблемам методологии происходит сегодня. Следует признать, что кризис меинстрима длится так долго и оказался настолько глубоким, что он не может не затрагивать сами основы экономической науки. В таких условиях необходимо фундаментально реконструировать всю парадигму в целом, как единую систему базисных идей, вместе с той методологией, на которой она стоит. Сам факт столь глубокого и затянувшегося кризиса меинстрима естественно

рождает вопрос - Не являются ли сами методы исследования, применяемые в Экономикс, одним из главных препятствий, которые не позволяют дальше развивать эту науку? Думаю, что это именно так.

Ортодоксальная теория в том виде, в котором она находится в настоящее время, является компиляцией различных теорий, созданных разными авторами, в разное время в течении интервала времени, охватывающего более века.¹ Естественно, методологические взгляды авторов неоклассической парадигмы, живущих в столь различное время, не могут не различаться друг от друга. Ибо в разное время в экономической науке доминировали различные методологические концепции. "Твердое ядро" неоклассической парадигмы в основном было сформировано в тот период, когда в научном сообществе экономистов доминировали идеи сперва позитивизма, потом логического эмпиризма, фальсификационизма К. Поппера, "дискрипционизма" П. Самуэльсона, логического эмпиризма и инструментализма в интерпретации М. Фридмана. А это значит, что указанное "ядро" было сформировано тогда, когда в вопросах методологии авторы парадигмы либо полностью придерживались, либо сильно склонялись к идеям эмпиризма. С 70-х гг., последние несколько десятков лет, в научном сообществе экономистов все более распространяются методологические воззрения постпозитивистов, таких как Т. Кун и П. Фейерабенд, которые вообще отрицают необходимость какой-либо одной методологии, и которые получили название "методологического плюрализма". Тем не менее, доминирование эмпиризма в методологии мейнстрима продолжается по сей день.

¹ начиная с теории Маршалла, которая почти в неизменном виде лежит в основе современной микроэкономической парадигмы.

В данной статье не рассматриваются детали разногласий между различными методологическими подходами, существующими в рамках ортодоксальной экономической теории. Наоборот, рассмотрены некоторые особенности тех методов исследования, относительно которых более или менее существует согласие. Делается анализ некоторых недостатков эмпиризма, как мировоззренческой основы той интеллектуальной атмосферы, в которой неоклассическая теория фактически обрела нынешние контуры. А также, аргументируется необходимость применения диалектического метода для анализа проблем экономической теории, как реальной альтернативы эмпиризму.

Характерным для позитивизма, и лежащего в его основе эмпиризма, является то, что единственным объектом познания считаются факты доступные ощущениям, а единственным источником познания - опыт. Поэтому для неопозитивистов неприемлемы такие понятия, как "закон", "причина", "сущность", "субстанция". Единственным видом отношений, существующим между элементами действительности, считается функциональное отношение. Понятие "причины" они заменили математическим понятием "функции". Позитивисты не признают внутреннюю противоречивость объективной реальности и не видят различия между объективным и субъективным (логическим) противоречием. Всякое противоречие считается неизбежным субъективным злом, результатом ошибок и неточностей в мышлении. Основным методом научного познания считается наблюдение, а главной функцией науки — описание. Отличительная особенность "логического позитивизма" - широкое использование математической логики.

Но приверженность неоклассиков такой методологии рождает много вопросов. Кажущаяся разумность и справедливость требования опираться только на эмпирические факты, вводит в заблуждение, и уводят мышление в

неверном направлении. Причем, это касается и самого процесса формирования фундаментальных экономических категорий. Во-первых, становится все более очевидным, что без "понимания" экономики, без знания каузальных отношений, не удастся создать адекватные экономические модели, формировать эффективную экономическую политику и делать правильные прогнозы. Любое экономическое решение основано на понимании того, какая причина вызывает какое следствие. То есть жизнь требует от экономистов **объяснения** экономических процессов, а согласно своей методологии, неоклассики и не ставят целью что-либо объяснять, и пытаются лишь описать эти процессы.² А фактический результат их научной деятельности есть то, что они не могут ни объяснить, ни адекватно описать. Ибо само описание, подразумевает ту или иную интерпретацию процессов, а это невозможно без более или менее ясного понимания каузальности. Очевидно, что цели и методы их достижения не соответствуют друг другу.

Во-вторых, хотя, как было отмечено, согласно своей методологии единственным источником познания неоклассики признают эмпирические факты, наблюдение, признают попперовский принцип фальсифицируемости как критерий научности, признают формальную логику, но сами они не придерживаются этих принципов и часто поступают даже противоположным образом. В частности, многие их теории не соответствуют критерию фальсифицируемости. (См. Блауг, 1994, 2004) И что самое главное,

² Интересно, что автор неоклассического синтеза П. Самуэльсон писал, что он не собирается ничего «объяснять», для него «объяснение» — лишь почетное название хорошего описания. (См. Samuelson, 1965, p. 1165). Т.е. практически игнорировал различия между принципом каузальности и принципом "post hoc, ergo propter hoc" (после этого значит по причине этого), хотя в своем учебнике П. Самуэльсон предостерегал студентов от такой ошибки.

существует огромный разрыв между "словом и делом" ортодоксов, строящих умозрительные конструкции, полностью оторванные от фактов. Причем экономикс оторвался от реальности в такой мере, что это даже спровоцировало беспрецедентное в истории науки студенческое движение протеста против доминирования неоклассической теории в учебных программах.³ Видные ученые Европы и Америки выступают с резкой критикой догматизма в экономической теории, Дж. Сорос учредил Институт нового экономического мышления (Institute for New Economic Thinking - INET)⁴ специально для развития экономической теории, а в мае 2011 года была создана Всемирная Экономическая Ассоциация (World Economics Association), главная цель которой возрождение плюрализма в экономической науке и вовлечение экономистов всего мира в активные научные дискуссии с целью преодолеть застой в этой науке.⁵

Далее в статье приводится ряд примеров «провала» мейнстрима и анализируются причины этих провалов; исследуются объективные противоречия экономической действительности, которые не осознаются в неоклассической теории; показана возможность исследования сущности экономических процессов на основе диалектического метода; рассматриваются прочие факторы, препятствующие развитию экономической науки.

³ См.: <http://www.paecon.net/PAEReview/wholeissues/issue2.htm>

⁴ См.: <http://ineteconomics.org/people/institute-new-economic-thinking>

⁵ См.: <http://www.worldeconomicsassociation.org/>

1. «Провалы» мейнстрима

Согласно своей методологии экономикс ставит целью описать только внешнюю, видимую часть экономической реальности. Но если не исследовать сущность, существенные взаимосвязи между экономическими процессами, то невозможно дать логически последовательное объяснение этих процессов. Именно поэтому мейнстрим оторван от реальности и полон логических противоречий. Однако прежде чем анализировать причины «провалов» мейнстрима, необходимо твердо убедиться в наличии таких «провалов». Поэтому нам кажется разумным начать с доказательства наличия таковых. Ниже приводится ряд примеров из микроэкономической теории, демонстрирующих неспособность мейнстрима адекватно объяснить экономическую действительность, причиной чего, в первую очередь, является неверные методы исследования.

1. При объяснении закона убывающей предельной полезности простое эмпирическое наблюдение выдается за "экономический закон". В каждом учебнике по экономикс дается объяснение, что убывание предельной полезности блага обусловлено насыщением потребности по мере увеличения количества потребляемого блага. И далее приводятся банальные примеры вроде того, что если съесть одно мороженное, то второго и третьего - захочется меньше, а четвертого, возможно, и вовсе не захочется. «...[У]бывание предельной полезности есть результат того, что удовлетворение, полученное от блага, уменьшается тем больше, чем больше оно потребляется. Закон убывающей предельной полезности утверждает, что по мере увеличения количества потребляемого блага, предельная полезность этого блага уменьшается». (Samuelson, 1992, pp. 84).

Содержание закона убывающей предельной полезнос-

ти, в конечном счете, сводится к простому утверждению, что чем больше удовлетворена потребность, тем меньше полезность. Но это естественно, ведь полезность есть обратная сторона потребности. Потребность и полезность взаимно обуславливают друг друга. Это различные аспекты одного и того же субъект-объектного отношения. То, что утверждается в этом «законе» нельзя квалифицировать как экономический закон.

2. «Закон» убывающей предельной полезности кладется в основу теории потребительского выбора. Согласно этой теории: «... потребитель с фиксированным доходом при существующих рыночных ценах товаров, достигает максимума удовлетворения или полезности, когда предельная полезность последнего доллара, затраченного на каждый товар, равна предельной полезности последнего доллара, затраченного на любой другой товар ...». (Samuelson, 1992, pp. 86-87).

Дается объяснение, что если на последние доллары, затраченные на различные товары, приходятся различные предельные полезности, то потребителю выгодно перераспределять деньги до тех пор, пока не установится равенство предельных полезностей, после чего всякое перераспределение теряет смысл. Но разве потребитель стремится к оптимальному использованию только последних долларов, затраченных на различные товары? Разумеется, нет. Он стремится оптимально использовать весь свой доход, все доллары, расходуемые на покупку товаров. Однако различные товары имеют различную эластичность по полезности. Следовательно, **равенство предельных полезностей** на последний доллар, затраченный на приобретение каждого вида товара, означает **неравенство средних полезностей** на каждый доллар, затраченный на покупки различных товаров. Поэтому, согласно самой же теории, в целях оптимизации потребитель должен перераспределить

свои расходы так, чтобы средние (а не предельные) полезности на каждый израсходованный доллар были равны по всем видам товаров. Соответственно, условием потребительского равновесия должна быть пропорциональность средних (а не предельных) полезностей относительным ценам.

Аналогичные рассуждения справедливы и для правила минимизации затрат производителей. Самуэльсон пишет:

*«Правило минимизации затрат: Для производства данного объема продукции минимальными затратами, фирма должна покупать ресурсы до тех пор, пока она не уравнивает предельный продукт на доллар, затраченный на каждый ресурс. Это подразумевает, что Предельный продукт **Труда**/Цена **Труда** = Предельный продукт **А**/Цена **А** =.... . Это правило для фирм в точности аналогично тому, что делают потребители, когда они максимизируют полезность». (Там же, р. 127).*

Но возражения тоже аналогичные. Кривые предельного продукта для различных ресурсов также отличаются друг от друга, как и кривые их средних продуктов. А это значит, что при равенстве **предельных продуктов** на последние доллары, затраченные на различные ресурсы, будут различаться **средние продукты**, приходящиеся на каждый доллар расходов на эти же ресурсы. Но производитель стремится к оптимальному использованию не только последних долларов, которая составляет лишь малую часть расходуемого бюджета. Он должен стремиться к оптимальному использованию **всех** долларов, расходующихся на покупку ресурсов. Следовательно, согласно самой же логике неоклассиков, он должен изымать деньги из покупки ресурсов, приносящих меньший **средний** продукт, и вложить их в ресурсы, имеющих больший **средний** продукт.

Получается, что средние (а не предельные) продукты различных ресурсов должны быть пропорциональны ценам этих ресурсов.

Получается, что согласно излагаемой в учебниках теории минимальных затрат и теории потребительского выбора субъект, ориентируясь на предельные, а не средние величины, принимает нерациональные экономические решения. Хотя сами неоклассики считают, что такие решения вполне рациональны и полностью соответствуют их же теории рационального выбора. При этом сама теория рационального выбора имеет настолько общую формулировку, что перестает вообще что-либо объяснять и не соответствует критерию фальсифицируемости.

«Понятие максимизации полезности настолько широко, что выходит за параметры человеческих решений. Гордон Таллок ... утверждал, что организмы – от бактерии до медведей – могут быть интерпретированы как если бы они имели функцию полезности такого же общего вида, как это приписывается человеку в микроэкономической теории. ... Как следствие, такие допущения очень мало говорят нам о том, что является специфическим для природы человека и человеческого общества». (Hodgson, 2012, p. 99). «В итоге, проблема стандартного допущения рациональности не в том, что она не имеет эмпирической корреляции, а в том, что она может охватить любую мыслимую ситуацию выбора и все возможные каузальные механизмы лежащие в основе выбора». (Там же, p.101)

3. Хотя свои выводы неоклассики основывают на якобы очевидных фактах и эмпирических наблюдениях, но на самом деле очевидно как раз их несоответствие с фактами. Ни один потребитель не сопоставляет предель-

ные полезности товаров с ценами. Невозможно планировать покупки на основе предварительной калькуляции предельных полезностей и соответствующих им количеств покупаемых товаров. Это равнозначно решению в уме системы уравнений с многими переменными. Но если невозможно планировать действия на основе таких расчетов, то остается предполагать, что потребитель действует на основе сиюминутных ощущений, чувства удовлетворения или неудовлетворения потребностей. Ведь согласно неоклассикам полезность измеряется чувством удовлетворения. Но чувство, ощущение существует лишь в момент его восприятия. Остается предположить, что согласно неоклассической теории потребитель определяет предельную полезность лишь в процессе осуществления покупок. Еще Л. Бирк писал почти сто лет назад: «..... в процессе потребления мы действуем подобно пчеле, то от одной единицы к другой, то от одного вида товара к другому, в поисках максимального удовлетворения, то интенсивно вниз по кривой полезности одного и того же товара, то экстенсивно от одного товара к другому вдоль графика спроса, начиная с наиболее насущного спроса». (Birck, 1922, p. 25)

Но такое объяснение поведения потребителя не соответствует действительности и свидетельствует об огромном разрыве между этой теорией и действительностью. Как пишет проф. С. Кин: «Вся теория потребительского поведения получена в режиме «философствования в кресле» экономистами, которые сначала построили в своей голове модель гипотетического рационального потребителя, а затем вывели правила, как должен себя вести этот гипотетический потребитель». (Keen, 2011, p. 85).

4. В любом учебнике бакалавриата утверждается, что все, что необходимо для получения кривой рыночного спроса, это горизонтальное суммирование кривых индиви-

дуальных спросов. Однако теорема Зонненшайн - Мантел - Дебрю [Sonnenschein–Mantel–Debreu theorem – (SMD)] – математически доказывает, что закон спроса не применим ни к кривой рыночного спроса, ни к кривой совокупного спроса. Если возьмем двух потребителей, кривые индивидуального спроса которых подчиняются закону спроса, и сложим их вместе для получения кривой рыночного спроса, то полученная кривая не обязательно будет подчиняться закону спроса. Согласно этой теореме, для любой данной цены на кривой рыночного спроса возможны два и более уровня спроса, даже если все потребители индивидуально подчиняются закону спроса. То есть два или более «рациональных» потребителя вместе порождают «иррациональный» рынок.

Одним из главных результатов этой теоремы является то, что вопреки утверждениям ортодоксов, отрицается единственность общего экономического равновесия. Т.е. функция избыточного спроса может иметь более одного решения (более одного вектора цен, при котором она равна нулю⁶). Причина этого результата наличие эффекта богатства. Изменение цены определенного товара имеет два следствия. Во-первых, этот товар становится дороже или дешевле относительно всех остальных товаров, что ведет к повышению или снижению спроса на этот товар (эффект замещения). С другой стороны изменение цены влияет на реальное богатство потребителей в обществе, делая некоторых богаче, а некоторых беднее.⁷ В зависимости от их

⁶ в данном контексте стандартное условие равновесия

⁷ На изменение цены одного и того же товара различные потребители могут реагировать по-разному. Но кроме чисто потребительской реакции индивидов, следует учесть, что изменение цены одного и того же товара одновременно и в противоположных направлениях влияет на доходы потребителей и производителей этого товара. Например рост цены с одной стороны увеличивает расходы потребителей, с

преференций спрос на одни товары увеличится, а других – уменьшится (эффект богатства). Эти два эффекта могут действовать в одном или в противоположном направлении, т.е. ослаблять или усиливать друг друга. Это значит, что все рынки одновременно могут быть очищены более чем одним множеством цен. Другими словами, наличие эффекта богатства порождает возможность множества состояний равновесия.

Почему выводы этой математически доказанной теоремы «опасны» для неоклассической парадигмы? Во-первых. Неоклассики хотят доказать, что конкурентные рынки ведут к оптимальному распределению ресурсов (максимизируют общественное благосостояние) независимо от исходного состояния распределения доходов и богатства. Это положение следует из первой и второй теоремы благосостояния, согласно которым всякое конкурентное равновесие есть оптимум Парето, и всякий оптимум Парето есть конкурентное равновесие. При этом Парето оптимальных состояний может быть множество, но они не все одинаково желательны для общества. При помощи теоремы благосостояния мейнстрим разделяет проблемы справедливого распределения доходов и экономической эффективности. Неоклассики заявляют – «Рыночная экономика может быть и несправедлива, но всегда эффективна». Это своего рода экономическое оправдание социальной несправедливости. А SMD утверждают, что общественное благосостояние, или эффективное распределение ресурсов не может не зависеть от распределения доходов. Т.е. опровергает аргументы неоклассиков в

другой - доходы производителей, обедняя одних и обогащая - других. Но ведь производители данного товара являются также потребителями других товаров. Поэтому перераспределение доходов, вызванное изменением цены любого товара отражается на спросе и, соответственно, на ценах всех остальных товаров.

защиту несправедливого рынка, в котором существующее распределение доходов обусловлено не только заслугами, но и многими другими факторами.⁸

Во-вторых. Из SMD следует, что кривая спроса не является нисходящей и может иметь произвольную форму. Поэтому кривая предельных доходов также волнообразна и может пересекать кривую предельных затрат более чем в одной точке. Если существует множество точек пересечения между предельными затратами и предельными доходами, то будет множество точек равновесия. Такая возможность подрывает одну из ключевых положений неоклассиков. Они утверждают, что при существующих ресурсах, технологиях и потребительских предпочтениях существует только одно состояние равновесия и оно Парето оптимально. А конкурентный механизм обеспечивает это равновесие. Но если возможно множество равновесных состояний и все они оптимальны, то невозможно **определить** какое из них установится фактически, и тем более невозможно **оценить** – какое из них лучше или хуже.

Какие можно сделать выводы? Если кривая рыночного спроса зависит от распределения доходов, если изменение цен изменяет распределение доходов, и если это не приводит к единственному равновесию между предельными доходами и предельными затратами, то экономикс не может оправдывать то или иное распределение доходов по сравнению с другими. Соответственно, формально экономикс не может возражать против перераспределения доходов в пользу бедных, за счет богатых.

Кроме того, становится совершенно ясно, что поведение множества независимых индивидов невозможно деду-

⁸ Распределение доходов зависит также от структуры потребления (не говоря уже о социальных факторах), поскольку изменения в структуре потребления влияют на цены и распределение доходов.

цировать из поведения любого из них в отдельности, из индивидуальных сросов невозможно вывести рыночной срос, индивидуальные предпочтения невозможно агрегировать, из действий индивидов невозможно понять функционирование общества. То есть сам принцип «методологического индивидуализма» в корне ошибочен.⁹

5. Согласно закону убывающей отдачи предельные затраты (МС) не всегда имеют тенденцию к возрастанию. Они сперва уменьшаются и только потом возрастают. Другими словами они имеют U - образную форму кривой. Причем минимальные предельные затраты достигнуты в нижней точке кривой, которая соответствует оптимальным технологическим пропорциям использования ресурсов. По мере удаления от этой точки вправо или влево предельные затраты возрастают поскольку возрастает отклонение от оптимального соотношения используемых в производстве постоянных и переменных ресурсов. Левее этой точки имеет место дефицит, а правее - избыток переменных затрат относительно постоянных.

Вместе с тем, согласно неоклассической парадигме,

⁹ Это обстоятельство говорит в пользу целесообразности реабилитации того подхода к анализу, которого придерживалась классическая экономическая теория. «Понятие классов было удалено из экономикса категорией кривая безразличия, с ее уравнительным подходом ко всем - от бедняков Сомали до богатеев Америки. Уже потому, что предпочтения различных индивидов не могут быть разумно агрегированы, эта концепция негодна для анализа более чем одного индивида. Но условия, в которых агрегирование имеет смысл (когда вкусы одинаковы и не меняются при изменении доходов) разумно, по крайней мере в первом приближении, когда анализ делит общество на различные социальные классы. Не так уж бессмысленно объединять всех трудящихся, всех землевладельцев и всех капиталистов вместе, как это делали обычно Смит, Рикардо и Маркс. Доходы в пределах классов врырует существенно меньше, чем доходы между классами, и вкусы внутри классов гораздо более одинаковы, чем между классами». (Keen, 2011, p. 84)

краткосрочная кривая предложения фирмы соответствует возрастающей (правой) части кривой MC , которая находится выше точки пересечения кривой MC и кривой средних переменных затрат AVC (выше "точки закрытия"). Учитывая вышесказанное, получается, что возрастающая кривая предложения фирмы справедлива только для фирмы, работающей в условиях перегрузки мощностей. При этом, согласно парадигме, рыночная кривая предложения формируется путем сложения кривых предложения фирм и, следовательно, она также подразумевает перегрузку производственных мощностей отрасли. Но в действительности, как фирмы, так и отрасли и в целом экономика, в нормальных условиях имеют резервные мощности, т.е. функционируют в условиях недогрузки мощностей. Значит, имеет место недостаток переменных затрат относительно постоянных. Соответственно, возрастание переменных затрат при увеличении объема производства должна вести к улучшению технологически обусловленных пропорций между постоянными и переменными затратами. Таким образом с увеличением производства предельные затраты должны не возрастать, а наоборот, уменьшаться. И с этой точки зрения, получается, что в основе кривой предложения фирмы должна лежать не правая, а левая половина U - образной кривой. Если следовать этой логике, то кривые предложения рынков должны быть не восходящими, а нисходящими так же, как и кривые спроса. Кроме того, получается, что теория ценообразования неоклассиков, которая подразумевает возрастающую кривую предложения, неприемлема для нормальных условий, когда экономика функционирует на уровне ниже потенциального ВВП. (См.: Leishvily, 1996, p. 14).

Интерпретация закона убывающей отдачи основана на банальной идее, что при отклонении от оптимальных

технологических пропорций потребляемых ресурсов отдача будет уменьшаться, а потери будут возрастать. Но нарушение технологии не может лежать в основе экономического закона. Это не закон, а всего лишь эмпирическое наблюдение. Таких «законов» можно выдумать сколько угодно - «Принятие лекарства сверх необходимой дозы ведет к обострению болезни и, в конечном счете, может привести к летальному исходу». Разве это закон? Разумеется нет. Законы выражают существенные каузальные отношения, а не эмпирически наблюдаемые закономерности. Но если все-таки считать его законом, то это, скорее, закон технологии, а не экономики.

Не случайно, что почти во всех примерах, приводимых в учебниках для иллюстрации законов убывающей отдачи, возрастающих предельных затрат, убывающей предельной полезности, или для иллюстрации того, как конкурентные или монопольные фирмы принимают решения – приводятся не реальные, а вымышленные данные. Почему? «Если вы никогда раньше не читали учебник Экономикс, то может показаться глупостью – почему же вместо этого просто не использовать реальные показатели реальных фирм? ... Причина ... в том, что нет таких показателей: доходы и затраты реальных фирм совершенно не похожи на те, которые выдуманы экономистами – неоклассиками». (Keen, 2011, 85).

6. Как видим ни теория спроса, ни теория предложения не отражают реальные процессы. Соответственно и теория цены неоклассической теории не может объяснить процесс формирования цен и впадает в логический "порочный круг". С одной стороны утверждается, что рыночные цены на товары зависят от индивидуальных решений продавцов и покупателей, а с другой стороны, утверждается, что их индивидуальные решения сами зависят от всей системы рыночных цен. Остается непонятным как происходит

ценообразование. Логический «порочный круг» сам по себе является следствием того, что мышление неожиданно для себя постоянно «натывается» на процесс взаимодействия между явлениями, который существует объективно, но который оно еще не осознало. Но если мышление не обнаружило существования взаимодействия, то взаимодействие само обнаруживает себя, ибо оно существует объективно и не может не проявляться в той или иной форме.

Вместе с тем, утверждение общего характера, что каждая цена находится во взаимодействии или в функциональной связи со всеми остальными ценами, хотя и верно, но оно тоже недостаточно для понимания механизма формирования цен. Если дается объяснение, что событие А есть причина события В, а событие В, в свою очередь, есть причина А, то тем самым мы не поймем ни причину А, ни причину В. Для полноценного объяснения необходимо найти третий фактор С, который является причиной как одного, так и другого события. Поскольку все цены взаимно обуславливают друг друга, то для понимания этого процесса следует объяснить факторы, которые лежат в основе всего механизма ценообразования как на индивидуальном, так и на рыночном уровне и которые обуславливают формирование системы рыночных цен в целом.

7. И, наконец, приведем еще один пример. Теория общего равновесия имеет такое же значение в неоклассической теории, как теория трудовой стоимости в политэкономии Маркса. Сама идея теории общего равновесия действительно была гениальной и давала новое понимание экономических процессов. Автор теории Леон Вальрас (1834—1910) осознал, что все частные проблемы децентрализованной экономической системы могут быть решены только в случае, если рыночная экономика

рассматривается как единое целое. Это было огромным преимуществом теории, которая стремилась объяснить поведение спроса, предложения и цен в целом в экономике со многими взаимосвязанными рынками продуктов и ресурсов. Вальрас пытался доказать, что максимизирующее поведение потребителей и производителей может привести к такому спросу и предложению на каждом рынке, в результате чего установится набор цен, обеспечивающий всеобщее равновесие на всех рынках. То есть он пытался дать понимание всей экономики используя подход «снизу-вверх», исходя из поведения индивидуальных рынков и агентов.¹⁰ Однако Вальрас пытался лишь установить логическую возможность достижения общего равновесия в процессе *tdtonnement* ("нащупывания"). Но концепция *tdtonnement* имеет серьезные недостатки. В модели Вальраса рынок представляет собой огромный, странный аукцион. Основное свойство этого аукциона то, что «аукционер» пытается продать все товары одновременно. Он не рассматривает каждый товар в отдельности. Он отказывается принять какую-либо цену за товар пока предложение не будет равно спросу для всех товаров. На основе этой модели в принципе невозможно показать, что конечное равновесие во всей экономике не зависит от пути, который к нему приводит. Несмотря на эти странные допущения Вальрас не смог строго математически доказать ни возможность, ни даже вероятность общего

¹⁰ Этот подход противоположен кейнсианскому подходу «сверху-вниз», также анализирующих экономику, как единое целое, но на основе агрегатных величин. Интересно, что современная макроэкономика все более акцентирует внимание на микроэкономических основах и строит модели общего равновесия для моделирования макроэкономических колебаний. Однако, по утверждению многих экономистов, все еще не удалось преодолеть огромную пропасть, существующую между микро- и макро- экономическими теориями.

равновесия (ОР). (См.: Блауг, 2004, с. 257-258).

То, что не смог доказать Вальрас, математически доказали Эрроу и Дебре в 1954 г. на основе «теоремы о неподвижной точке» (теорема Какутани). Они представили модель, которая считается современной концепцией общего равновесия. В своей статье "Existence of an equilibrium for a competitive economy" (1954) эти авторы заложили основы современных математических моделей замкнутой децентрализованной экономики, показав, что при определенных идеализированных условиях, система свободной торговли ведет к эффективности по Парето. Многие представители мейнстрима считают модель Эрроу-Дебре одним из высших достижений математической экономики второй половины 20-го века. Эта модель стала неотъемлемой частью современной неоклассической парадигмы. Однако критики этой модели справедливо указывают, что хотя, с чисто математической точки зрения, в ней действительно «изыщно» доказывается существование общего равновесия, но она настолько абстрактна, что в ней едва проглядываются намеки на экономическую реальность.¹¹ И действительно, предпосылки, на которых строится эта модель, условия существования общего равновесия и выводы, которые делаются из модели совершенно неприемлемы для непредвзятого научного анализа.

В модели Эрроу-Дебре дается принципиально новое понимание товара. Так, один и тот же товар, поставляемый в различные места, в различное время и в различных (например, погодных) условиях, рассматривается как множество различных товаров в зависимости от времени,

¹¹ В этом отношении интересна формулировка официального обоснования нобелевской премии, присужденной Дебре в 1983 г. - «За вклад в наше понимание теории общего равновесия и условий, при которых общее равновесие существует в некоторой абстрактной экономике».

места и условий поставки на рынок. Модель подразумевает экономику, в которой существуют рынки товаров для любого будущего периода времени и будущие цены для каждого товара во всех периодах времени и во всех местах поставки. Условием равновесия является ненасыщаемость потребностей. Все блага желательны для всех потребителей. На рынке принципиально не может существовать ограниченная группа субъектов с таким товаром, который имеется не у всех. Предполагается, что для каждого участника торгов собственный запас каждого продукта превышает набор, удовлетворяющий его минимальные потребности. Все участники рынка одновременно торгуют всеми возможными продуктами. Модель Эрроу-Дебре несовместима с случаем появления на рынке новых потребителей, новых производителей и новых товаров. Это принципиально не позволяет вводить в эту модель динамику. И т.д. Модель Эрроу-Дебре не дает оснований считать, что конкурентное равновесие возможно в реальной капиталистической экономике, для которой характерны неэффективность благ, информационная асимметрия, монопольные эффекты, транзакционные издержки, экстерналии, затраты на обеспечение прав собственности и прочие так называемые изъёмы рынка. Все это настолько нереально, что не может считаться моделью реальной экономики.

«Даже излишне описывать как нереалистичны основные допущения модели Дебре: существование единого момента времени, в котором определено все производство и обмен для всех времен; наличие множества товаров (включая те, что будут придуманы и произведены в далеком будущем), которые заранее известны всем потребителям; допущение, что производители заранее знают все те ресурсы, которые когда-нибудь будут нужны для производства их товаров Дебре сфокусировался на доказательстве существо-

вания общего равновесия, а не его устойчивости. Но устойчивость не может быть игнорирована, и математики доказали, что при достаточно общих условиях, общее равновесие неустойчиво». (Кееп, 2011, р. 201)

Модель Эрроу-Дебре предназначена для уяснения механизма формирования общего равновесия в децентрализованной экономике. Это чисто теоретическая модель, не имеющая прикладного значения. Казалось бы ей не следует предъявлять требования, которые не соответствуют ее предназначению. Но проблема в другом. Проблема в том, что подменяется сам объект моделирования. В конечном счете, вместо моделирования экономической действительности, модель Эрроу-Дебре лишь устанавливает, каким требованиям должна отвечать идеальная экономическая система, чтобы в ней существовало конкурентное равновесие. Но это уже совсем другой вопрос. Получается, что эта модель моделирует не реальную экономику, а виртуальную, гипотетическую экономику.

При первом же знакомстве с моделью Эрроу-Дебре, этой одной из основных компонентов «твердого ядра» парадигмы мейнстрима, воистину убеждаешься в справедливости слов Марка Блауга: «"Экономикс ради экономикс" скоро станет, по сути уже есть, боевой клич. На данный момент, кто-нибудь может заметить, что экономикс слишком важный предмет, чтобы оставить заниматься им экономистам". (Blaug, 1997, р.8) Но так или иначе, модель Эрроу-Дебре так «очаровала» экономистов 50-х годов прошлого века, что с тех пор математизация экономической теории превратилась в доминирующую тенденцию, которая сегодня уже завела экономикс в тупик. Математика «проглотила» экономикс.

«Если бы мы могли датировать начало заболевания вообще, то это издание в 1954 году знаменитого

труда лауреатов Нобелевской премии Кеннета Эрроу и Жерара Дебре; именно этот документ знаменует собой начало того, что с тех пор стало раковой опухолью в самом центре микроэкономики. В статье Эрроу-Дебре дается строгое доказательство существования равновесия множества рынков в децентрализованной экономике, понятие, которое за 80 лет до этого занимала Леона Вальраса, но которое ему не удалось убедительно доказать. Это доказательство строго по математическим стандартам, но он требует некоторых допущений, которые явно искажают экономическую реальность; например, что существуют форвардные рынки для каждого товара для всех будущих периодов и для всех возможных непредвиденных обстоятельств и, даже, что никто не держит денег в качестве сбережений для более чем одного периода. Даже при этом, Эрроу и Дебре не смогли доказать что такое общее равновесие устойчиво в том смысле, что оно фактически достижимо с какой бы позиции мы ни начинали. Короче говоря, доказательство Эрроу-Дебре больше связан с математической логикой, чем с экономикой ...

.... она стала прекрасным примером того, что Рональд Коуз назвал «экономикс школьной доски», модели, которая может быть написана на доске используя экономические термины, такие как «цены», «количество», «факторы производства» и т.д., но, которые, тем не менее, явно не представляет какую-либо знакомую экономическую систему.» (Blaug, 1997, p.3).

Любые математические модели основываются на «нематематических» предпосылках, идеях, которые в рамках самой этой модели не могут быть доказаны. Эти идеи могут быть получены только т.н. качественным анализом. Следовательно, само по себе, экономико-математическое моделирование независимо от «чистой теории»

не может обеспечить приближение к истине и верное отражение реальности. Поэтому, кризис экономической теории непосредственно оказывает влияние на дальнейшее развитие экономико-математического моделирования. Неудивительно, что все прикладные модели рыночной экономики, так или иначе производные от модели Эрроу-Дебре и основанные на идеях неоклассической теории, в том числе модели **AGE** (applied general equilibrium), **CGE** (computable general equilibrium) и **DSGE** (dynamic stochastic general equilibrium), оказались неэффективными для решения тех задач, для которых они предназначались.

Динамические стохастические модели общего равновесия (**DSGE**) это раздел прикладного моделирования теории общего равновесия. Этим моделям придается большое значение в современной макроэкономической теории. Применяемая здесь методология подразумевает объяснение таких явлений, как экономический рост, экономические циклы, влияние монетарной и фискальной политики, с помощью макроэкономических моделей, основанных на микроэкономических принципах. Эти модели широко применяются центральными банками и международными экономическими организациями для прогнозирования процессов и выработки экономической политики. Однако последний мировой кризис показал их неэффективность. Сегодня уже многие исследователи пишут о том, что DSGE - модели отражают математически красивый, но искусственный, "виртуальный" мир, почти не имеющий отношения к действительности. (См.: Caballero, 2010, pp. 85-102.). Господство формализма в современном западном мейнстриме в полной мере отражается и на этих моделях.

Однако, из всего вышесказанного следует, что ложной является не сама идея экономического равновесия, а предпосылки, на которых строятся модели равновесия. Соответственно, критика неоклассической теории не

должна превращаться в "крестовый поход" против применения математических методов и самих попыток создать адекватную модель равновесия. Адекватная модель рыночной экономики может быть построена только после и на основе познания сущности экономической деятельности вообще и рыночной экономики в частности. Но поскольку методы исследования, применяемые в экономикс, эмпиризм, господствующий в этих исследованиях, не позволяют исследовать сущность экономических процессов, то и модели, построенные на ложном понимании экономической действительности и нереальных предпосылках, не может адекватно отражать реальность.

Выше были приведены несколько примеров «провала» мейнстрима в основном из микроэкономической теории, поскольку здесь особенно ясно видны несоответствие неоклассической теории фактам, ее отклонение от ею же декларируемых методологических принципов, логическая противоречивость и непоследовательность этой теории. Таких примеров из микроэкономики можно привести огромное множество. Таких примеров не меньше и в макроэкономической теории. Однако очевидно для демонстрирования «провалов» мейнстрима приведенных примеров более чем достаточно. На данном этапе важнее разобраться в причинах несостоятельности методов исследования, обусловивших эти «провалы».

2. Причины «провалов» мейнстрима

1. Согласно позитивизму научные понятия вырабатываются на основе обобщения отдельных фактов и явлений. Из множества явлений данного рода ученый выделяет их общие признаки, абстрагируясь от их специфических особенностей. Ибо реально существуют

только единичные явления, а научные понятия, как абстракции, могут существовать лишь в сознании человека. Так создаются научные понятия («производство», «потребление», «спрос», «товар» и т.д.). Затем выделяются повторяющиеся формы отношений между явлениями и называют их "законами" ("убывающей предельной полезности", "возрастающих предельных затрат" и др.). Из таких абстрактных "понятий" и "законов" дедуцируются иерархически организованные системы терминов, понятий, создается научная теория.

Однако для того, чтобы найти общий признак из всех явлений данного рода необходимо предварительно мысленно охватить то множество, которое составляет этот род. Но для этого необходимо иметь критерий выделения такого множества, т.е. знать тот самый общий признак, который хотим найти. Но как решается эта старая философская проблема в неоклассической теории? Множество первичных явлений для последующего обобщения очерчивается не на основе каких-либо научно обоснованных принципов, а на основе "здравого смысла", т.е. уже имеющихся общих, ненаучных, абстрактно-расплывчатых, интуитивных представлений.

2. Такая процедура формирования научных понятий не учитывает одно весьма важное обстоятельство. В мире нет вообще изолированных, вне всеобщей связи существующих явлений. Всякая вещь или процесс есть элемент некоторой системы взаимодействующих вещей, процессов, отношений. Каждое единичное экономическое явление всегда возникает и исчезает внутри закономерно развивающейся системы экономических явлений, в лоне той или иной конкретной целостности. Более того, каждое явление или вещь есть то, что оно есть, благодаря своим отношениям с другими явлениями. А вне этих отношений, вне связи с целым, частью которого оно является, оно

перестает быть тем, что оно есть.¹²

При этом необходимые и устойчивые каузальные отношения между явлениями системы есть законы, которые обуславливают возникновение, развитие и гибель каждого отдельного явления в пределах этой системы. А совокупность этих законов как раз и есть сущность этой системы явлений. Сущность - есть то, что постоянно в разнообразии явлений. Она есть основание всякого явления и проявляется только через явления, но сама она скрыта от непосредственного наблюдения познающего субъекта. Например, падение камня, приливы и отливы моря, движение планет и др. явления мы можем наблюдать непосредственно. Но можно ли непосредственно увидеть, услышать или осязать закон гравитации? Разумеется нет. Но этот закон гравитации и есть сущность всех этих названных явлений, казалось бы, ничего общего не имеющих между собой. Гравитацию, т.е. сущность, всех этих явлений, невозможно наблюдать непосредственно. Обнаружить ее можно только через мышление, познание. То же самое справедливо и для сущности экономических явлений. Эмпирически наблюдаемые экономические явления возникают и исчезают, но сама экономическая система, элементами которых они являются, и законы, по которым функционирует эта система, остается, как постоянная, устойчивая основа, как сущность преходящих экономических явлений.

Каждое явление обусловлено этой сущностью. Разумеется, кроме необходимых и устойчивых отношений между явлениями в системе возникают и случайные, преходящие отношения. Однако для познания они не

¹² "Различные части тела суть то, что они суть, лишь в их единстве и в отношении друг к другу. Так, например, отрубленная от тела рука есть, как уже заметил Аристотель, рука по названию, а не по существу". (Гегель, 1974, с. 405-406).

имеют существенного значения. Сущность, законы, есть то всеобщее, которое проявляется в самых различных единичных фактах. Познать истину - это значит познать это всеобщее, эти законы, эту сущность.

Однако сущность как **всеобщее**, проявляющееся во всех явлениях, и обуславливающее существование всех вещей, отличается от того **общего**, которое эмпирики выделяют из некоторого множества однородных явлений как абстракцию, как их "общие признаки". Существует два различных понимания общего: 1) общее как то, что входит в состав каждого из рассматриваемых объектов, и обуславливает их одинаковость по "общему признаку" (то, что эмпирики выделяют в качестве абстрактно-общего признака при формировании научных понятий или законов); 2) общее, как то, что существует самостоятельно, вне рассматриваемых объектов, (как например, общий предок, совместная собственность и т.д.). Именно в этом втором смысле сущность, законы, представляют ту общую основу или субстанцию, в лоне которой возникают, формируются, развиваются и исчезают различные факты, явления, процессы. При этом эти явления могут даже иметь противоположные, и даже взаимоисключающие признаки, свойства, и выполнять различные функции в пределах той целостности, той системы, элементами которой они являются. Более того, как раз их неодинаковость и есть условие того, что все они выполняют различные особенные функции в системе и дополняют друг друга как необходимые элементы единой системы.¹³

Кроме того, в процессе познания последовательность

¹³ "Это единство (или "общность") создается скорее тем "признаком", которым один индивид обладает, а другой - нет. И это отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих ..." (Ильенков, 1991, с.324).

анализа отдельных научных категорий и связывания их друг с другом не может быть произвольным. Эта последовательность детерминирована историческим процессом. В процессе познания исследуемого объекта как целостности, части этого целого должны выделяться путем анализа именно в той последовательности, в какой они возникали исторически.¹⁴ Более сложную категорию можно развить только после, и на основе, простой. И каждый акт анализа должен быть шагом на пути выявления связи между частями целого. Но когда позитивист очерчивает круг явлений, из которых он выделяет абстрактно-общие признаки для формирования научных понятий, или когда он изучает тот или иной элемент системы, он, во-первых, не признает необходимость придерживаться какой-либо "логики исторического процесса", и, во-вторых, вырывает факты из той системы отношений, элементами которой они являются. "... [О]пределения целого принципиально не могут быть получены ... путем фиксации тех "общих признаков", которыми обладает каждая порознь рассмотренная часть этого целого, каждый его составной элемент, подобно тому как представление о форме дома не составишь из тех признаков, которыми обладает каждый отдельный кирпич." (Ильенков, 1991, с.282) При таком способе исследования ученый разрывает отношения исследуемого явления с другими явлениями системы. Но вне этих отношений нечто перестает быть тем, что оно есть в функционирующей системе, в которой оно выполняет определенные функции. Разрываются существенные отношения целого и части, причинности, взаимодействия. Однако, как было отмечено, все свойства и особенности объекта

¹⁴ "Природу их (т.е. вещей. - П.Л.) гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые." (Декарт, 1950, с.292).

обусловлены именно существенными отношениями и проявляются в них. Поэтому получается, что в процессе исследования того или иного объекта за пределами внимания остаются как раз те его особенности, благодаря которым этот объект выполняет вполне определенные функции в системе отношений, в которую он включен. Соответственно, исследователь не может видеть то самое главное, существенное, что делает этот объект элементом функционирующей системы, в составе которой он "живет" и вне которой он "мертв". И как раз эти неувиденные вначале отношения взаимодействия между элементами системы и "вылезают" потом неожиданно в виде логически "порочных кругов" или несоответствия с фактами, которые дискредитируют их теорию в целом.

Итак, эмпирики с самого начала не рассматривают исследуемый объект как часть целого в составе целого. Для них существуют только отдельные, эмпирически воспринимаемые факты. А как их будут группировать, классифицировать, в целях познания, это зависит только от субъекта познания. Тем более, что увидеть это целое трудно, когда речь идет об экономике. Сделать это было бы не трудно, если бы речь шла об отдельной фирме, общественной организации или механическом устройстве. "Когда мы имеем дело с фактом взаимной зависимости частей внутри легко обозримого целого - будь то часовой механизм или небольшой коллектив работающих людей, поделивших между собой обязанности в некотором общем деле ... здесь ясно видно, что отдельные детали зависят друг от друга, и, шаг за шагом проследив всю сумму зависимостей между разными ... частями, мы поймем целое." (Ильенков, 1991, с.282) Но в случае рыночной экономики, в некоторое целое увязаны внешне самостоятельные люди и вещи, непосредственно не зависящие друг от друга. Здесь экономика, функционирующая по

своим законам, как система, кажется **результатом** взаимодействия изначально независимых друг от друга элементов (экономических субъектов, благ и процессов), а не **причиной**, которая сама обуславливает способ их взаимодействия и вообще возникновение, функционирование и гибель каждого отдельного элемента системы. "Методологический индивидуализм" неоклассиков как раз и есть проявление такого ложного понимания действительности. Но такая методология не может иметь успеха. Само по себе познание тех "составных частей", из которых состоит изучаемый объект, не может привести к пониманию того, почему эти "составные части" связаны между собой именно так, а не иначе.

3. Согласно методологии ортодоксальной теории источником знаний признают только эмпирически воспринимаемые факты. Но что есть факт? Реально, независимо от субъекта, существуют лишь конкретные объекты и процессы их преобразования друг в друга по объективным законам природы (физические, химические, биологические и др. процессы). Но будет ли тот или иной факт воспринят как факт экономической, политической, нравственной, религиозной, эстетической или какой-либо иной деятельности, все это зависит от отношения субъекта к этим фактам, и соответственно, от их интерпретации. Ведь сами по себе факты не являются **экономическими** фактами. Все зависит от целей, потребностей, которые их спровоцировали, от отношения субъекта к сущему и должному. А следовательно, субъекты по-разному воспринимают одни и те же объективные факты. То, что для одних является экономическим фактом, для других это может быть фактом, относящимся к другой сфере активности. Например, к какой сфере деятельности можно отнести строительство здания, создание художественного произведения, изобретение новой технологии или футбольный матч? Все эти

активности относятся к различным сферам деятельности. В то же время, в зависимости от того, ставилась ли в качестве одной из целей создание в результате этих процессов больших экономических ценностей, чем потреблялось, все они являются или не являются различными формами проявления экономической деятельности.

И даже в пределах самой экономической деятельности факты воспринимаются по-разному. Например, производства или потребления, как такового, не существует объективно. Как было отмечено, объективно существуют лишь преобразования одних объектов в другие по законам природы. Но назовет ли его человек производством или потреблением - это зависит от его отношения к этому процессу. Соответственно, сам он будет называться производителем, или потребителем. От этого же зависит, являются ли для него те или иные объекты продуктами, или ресурсами, и будет ли воспринимать их в качестве воплощения затрат, или воплощения полезностей. И т.д. и т.п. Так же и все другие экономические категории - они относительны и существуют лишь в сознании человека.

Хотя эти объективные процессы спровоцированы по воле человека, тем не менее, они объективно существуют как факты. Но его отношение к этим процессам, которое обуславливает то или иное восприятие фактов, существует лишь в его сознании и постоянно меняется вместе с изменением его потребностей и целей. Поэтому, один и тот же факт воспринимается по-разному различными людьми, и даже же одним и тем же человеком, в зависимости от его целей и потребностей. Один и тот же объект или процесс выполняет различные функции одновременно, одновременно находится в различных отношениях к различным субъектам и объектам, следовательно, одновременно является, например, продуктом, и ресурсом, или куплей и продажей, экспортом и импортом,

кредитом и долгом и т.д. В этом (и только в этом) смысле можно сказать, что экономические процессы - существуют лишь в сознании человека. Экономика есть всего лишь его отношение к этим процессам сквозь призму его потребностей, его понимания должного. И в этом нет никакой мистики. Вот что пишет один из крупнейших экономистов XX века Л. Мизес:

"Экономическая теория - это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей ... (Мизес, 2005, с. 92). Производство не является чем-то физическим, материальным либо внешним; оно представляет собой духовный и умственный феномен." (Там же, с.144).

Т.е. быть производителем, потребителем, продуктом, ресурсом, и т.д. - все это не есть неотъемлемые объективные свойства объектов или субъектов, а те функции, которые они выполняют. Не потому человек производит, что он производитель. Наоборот, он производитель потому, что производит, потому, что выполняет эту функцию. Однако он выполняет не только эту, но и другие функции. Невозможно производить продукт не будучи потребителем ресурсов. Поэтому он также и потребитель. Но он не только производитель и потребитель. Он еще и продавец и покупатель, инвестор и сберегатель, кредитор и должник и т.д. А в условиях разделения труда, каждую из этих функций он может выполнять лишь как одна сторона во взаимодействии с другими экономическими субъектами.

Так в условиях рыночной экономики он может быть производителем только потому, что кто-то другой является потребителем; может быть продавцом – потому, что кто-то другой покупатель; кредитором – потому, что кто-то другой должник; и т.д.

Различные функции, выполняемые субъектами и объектами, взаимосвязаны между собой, все время меняются, трансформируются друг в друга, возникают и исчезают. Это и есть те невидимые "нити", которые связывают все экономические явления, процессы, объекты и субъекты между собой, образуя целостность, которую мы называем экономикой. При этом для обеспечения целостности экономики вовсе не важно, кто именно, или что конкретно выполняет ту или иную функцию. Главное, чтобы все те функции, которые необходимы для нормального функционирования экономической системы, выполнялись и, при этом, выполнялись в надлежащей пропорции друг к другу.

Если мы хотим не только описать, но и понять, как функционирует экономика, то мы должны воспринимать экономику как живую систему. Ибо и сама реальность – это не просто совокупность изолированных явлений, а живой процесс, в котором эти явления взаимно обуславливают и трансформируются друг в друга по определенным законам, и в этом взаимном переплетении формируют единый экономический организм. Это значит что и экономические категории, отражающие эти явления и процессы, должны представлять собой единую систему внутренне взаимосвязанных понятий. То есть экономические категории должны быть такими же текучими и гибкими, переходящими друг в друга, органически взаимосвязанными между собой (а не "застывшими" категориями, искусственно привязанными друг к другу), как и сами экономические явления и процессы. Но выявить

и понять эти взаимосвязи можно только с помощью диалектического метода, только путем анализа сущности.

4. На современном этапе развития процесс математизации неоклассической теории перешагнул все мыслимые границы и приобрел такие масштабы, что явно стал препятствием для развития экономической науки. Неестественность этого процесса точно описана в цитате Марка Блауга, приведенной в начале данной статьи. Этот процесс привел к чрезмерному формализму и забвению того, что любая математическая модель основана на предположениях, истинность которых не может быть доказана в пределах самой модели. Эти предположения берутся из неоклассической парадигмы, которая сама не в состоянии постигнуть сущность экономической действительности из-за применяемых в ней неадекватных методов исследования. Ясно, что если предположения, на которых строятся математические модели не соответствуют действительности, то теряется звено, соединяющее модель с реальностью. Эконометрические исследования заполнили все научные издания. При этом целый ряд фундаментальных вопросов экономической теории остается невыясненным. В такой математизированной форме экономикс превращается в «интеллектуальную игру, которую играют ради нее самой, а не ради практических результатов».

Но вместе с тем, математизация мейнстрима позволяет ей отгородиться от все возрастающей критики. Ибо столь высокая степень математизации экономической науки резко ограничивает «круг избранных», говорящих на языке, непонятном для непосвященных. В настоящее время в западной экономической науке экономист может претендовать на академическое признание, только если имеет математические познания высшего уровня. Все остальные остаются научными аутсайдерами. Результатом является то, что научные дискуссии, аргументы и контраргументы

самих спорящих сторон внутри научной элиты, в силу их профессиональной специализации, все более концентрируются вокруг математических аспектов экономической науки и все меньше внимания уделяется анализу реальных процессов. Но, разумеется, все вышесказанное не означает, что математика «оказала дурное влияние» на экономическую теорию и потому следует отказаться от нее. Математика есть мощнейшее средство познания, она и в будущем обогатит экономическую науку еще многими новыми открытиями. Проблема не в самой математике, а в экономистах, которые применяют математику.¹⁵ В связи с этим считаю уместным коснуться одного специфического аспекта применения математики в экономической науке.

5. Основное внимание неоклассики уделяют исследованию условий, при которых экономика находится в состоянии равновесия, которое считается доминирующим состоянием экономической системы. При этом они предполагают, что равновесие экономической системы устойчиво и краткосрочные отклонения от равновесия порождают силы, восстанавливающие равновесие. Поэтому, также и экономическую динамику они представляют как движение системы от одного равновесного состояния к другому. А то, что происходит между этими состояниями, они игнорируют, считая, их второстепенными, промежуточными процессами.

Согласно неоклассической парадигме общее равновесие предполагает такие цены, при которых спрос и предложение уравновешены на всех рынках. Но изменение цены на одном рынке влияет на потребительский

¹⁵ «Хотя нельзя отрицать, что чрезмерная любовь к математическому формализму способствовало некоторым интеллектуальным перегибам в экономической теории, как правило, такая реакция так же ошибочна, как винить фортепиано за диссонанс звучания нот плохого пианиста». (Keen, 2011, p. 416).

спрос на других рынках. Это значит, что движение к равновесию на одном рынке может вызвать отклонение от равновесия на других рынках. Есть основание предполагать, что в таких условиях рынки никогда не придут к равновесию. Тем более, что в реальных условиях, как правило, торговля ведется по неравновесным ценам. Ибо никто не знает когда рынок находится в равновесии и какова равновесная цена. Но торговля по неравновесным ценам означает, что одна сторона сделки получает выгоду за счет другой стороны. Т.е. распределение доходов будет не таким, каким оно было бы в условиях равновесия. Этот сдвиг в распределении дохода будет влиять на все остальные рынки, делая еще более хаотичными рыночные процессы, и все менее вероятным достижение равновесия одновременно на всех рынках.

Чтобы обойти эту проблему в своей модели Вальрас предположил, как уже было указано выше, что рыночная экономика это огромный аукцион, на котором аукционер прекращает всякую торговлю до тех пор, пока спрос и предложение не уравниваются на всех рынках. Разумеется это нереальное предположение. Тем не менее оно позволило экономистам создать статические модели и использовать хорошо известную, сравнительно простую технику решения системы линейных уравнений. Но для моделирования реальной экономики, то есть динамических, неравновесных процессов, в которой используются неравновесные цены, необходимо использование нелинейных разностных или дифференциальных уравнений. Во времена Вальраса методология моделирования таких процессов была недостаточно разработана. Но сегодня эта методология достаточно хорошо разработана. Поэтому, казалось бы, современные экономисты-математики должны развивать науку в этом направлении, и обобщить модель Вальраса, отбросив фикцию «аукционной торгов-

ли» и убеждение, что все происходит в равновесии. Вместо этого неоклассики начали доказывать то, что хотел, но не смог доказать Вальрас. А именно, что общее равновесие существует, что оно единственно, устойчиво и оптимально. И действительно Эрроу и Дебре строго математически доказали теорему существования единственности общего равновесия. Но, во-первых, для этого пришлось принять такие фантастические допущения, что это нельзя считать доказательством. А что касается устойчивости равновесия, то она вообще не была доказана. Более того, ряд исследований 50-х и 60-х годов доказали, что общее равновесие неустойчиво. Но даже после этого большинство экономистов продолжают верить, что в реальной экономике равновесие не может не быть устойчивым. Они считают, что если бы экономическая система не обладала устойчивостью, то она не смогла бы колебаться, и неминуемо развалилась бы. Так, например, относительно одной из ранних динамических моделей Джон Хикс писал: «Но математическая неустойчивость сама по себе не объясняет колебания. Математически неустойчивые системы не колеблются. Они просто разрушаются. Нестабильное состояние есть состояние, в котором она, как правило, не останется». (Hicks, 1949).

Однако современная теория Хаоса доказывает, что равновесие реальной сложной системы может быть неустойчивым и без разрушения самой системы. Теория Хаоса – это область математических исследований, которая изучает поведение динамических систем, очень чувствительных к начальным условиям. Незначительные изменения начальных условий со временем приводит к большим и непредсказуемым изменениям динамики системы. Эта неустойчивость динамических систем называется «эффектом бабочки». Впервые на это свойство сложных систем обратил внимание А. Пуанкаре в 1903 году. Он писал: «...

может случиться, что небольшие изменения в начальных условиях произведут очень большие изменения в конечном явлении. Маленькая ошибка в первых произведет огромную ошибку в последней. Предсказание становится невозможным, и мы получим неожиданное явление». (Цит. по [21])

Но интерес ученых к этому явлению особенно возрос после того, как в 1963 году метеорологист Эдвард Лоренц создал математическую модель турбулентных воздушных потоков. Это была простая модель из трех уравнений, трех переменных и трех констант. Несмотря на свою простоту, эта модель продемонстрировала невероятно сложное поведение. Незначительные изменения в исходных значениях x , y и z , сначала не имели ощутимого эффекта, но затем резко и неожиданно приводили к совершенно различным результатам. Хотя поведение каждой переменной казалось произвольным, но за этой видимостью стояла красивая структура, которую можно было увидеть когда все три переменные изображались на одном и том же графике. См. рис. 1.

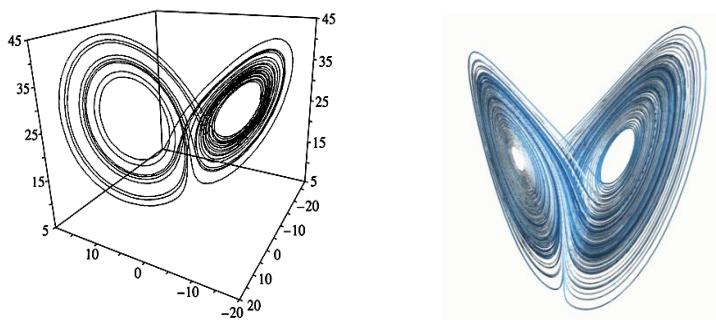

Рис. 1. Множество состояний (точнее, точек фазового пространства) динамической системы Лоренца, к которым она стремится с течением времени.

Анализ системы Лоренца показал, что она имеет не одну, а три равновесия. Особенно важно то, что все три равновесия являются неустойчивыми. Незначительное отклонение от того или иного равновесия заставляет систему очень быстро удаляться от нее. Малейшее отклонение от одной равновесной точки ведет к тому, что система мгновенно отталкивается прочь от этого равновесия. Она затем приближается к другому равновесию, и, далее, выталкивается к третьей. Она двигается по орбите вокруг этого равновесия, только для того, чтобы в конце-концов оттолкнуться от него. Наконец, она приближается и потом опять отталкивается от второго равновесия к первому. (См.: Keen, 2011, p. 210) Такая модель поведения резко противоречила ранее господствовавшей в науке (в том числе экономической) точке зрения Лапласа, что небольшие погрешности в начальных показателях могут вести только к незначительной ошибке в прогнозировании будущего поведения переменной.

С точки зрения математической техники статический анализ подразумевает использование в математических моделях линейных, а не дифференциальных уравнений. Их геометрическими аналогами являются прямые линии, а не линии сложной конфигурации, параболы и др. Можно иметь сотни уравнений прямых линий и все же получить единственное решение. Линейные системы не могут быть хаотичными. Динамический анализ сложных систем обычно подразумевает нелинейные дифференциальные уравнения. Но эти системы могут быть и простыми системами без дифференциальных уравнений. Хаотическое поведение может возникать даже из алгебраических уравнений второй степени, то есть из самых простых нелинейных уравнений.

Огромное большинство таких систем вообще не имеет решения. Для того, чтобы увидеть как ведут себя такие

сложные системы, обычно используют компьютерную имитацию. Моделирование нелинейных процессов показывает, что системы с неустойчивым равновесием не разрушаются. Такие системы могут показывать сложное, циклически повторяющееся, поведение. То есть сложные системы с хаотическим поведением в некотором смысле упорядочены и подчиняются определенным законам. Это не есть случайное, беспорядочное поведение, которое обычно ассоциируется с понятием хаоса в обычном словоупотреблении.

Хотя системы нелинейных уравнений, используемых в динамических моделях, не имеют решения, но это моделирование позволяет определить т. н. «аттрактор», то множество возможных состояний системы, к которому она стремится с течением времени или, другими словами, множество точек, в которых модель может находиться с наибольшей вероятностью. Соответственно, на основе имеющихся начальных данных, хотя и невозможно точно предсказать будущее состояние модели, но можно определить то множество траекторий, по которой, с наибольшей вероятностью будет двигаться модель во времени.

6. Согласно неоклассической парадигме равновесие экономической системы обеспечивается устойчивостью самой системы, как внутренне присущим ей, т.н. эндогенным свойством. А отклонения от равновесия, экономические циклы, вызваны внешними шоками, т. н. экзогенными факторами. Но теория хаоса показывает, что отклонения от равновесия, хотя могут быть вызваны также и внешними факторами, но подлинные причины неравновесных состояний сложной системы обусловлены эндогенными свойствами самой системы. Отсюда следует, что «рыночная экономика никогда не может оставаться в оптимальном состоянии, потому что экономическое равновесие неустойчиво. Реальная проблема – это можем ли мы

контролировать такую неустойчивую систему – можем ли мы ограничить его нестабильность до приемлемых пределов». (Keen, 2011, p. 213)

Итак, вопреки той критике, которая видит в математике «смирительную рубашку» экономической науки, сковывающей ее свободное развитие, следует признать, что математизация открывает новые перспективы ее развития благодаря применению новейших достижений математики, таких как нелинейное динамическое моделирование, теория хаоса, теория сложных систем, теории фракталов, и др. Но экономисты-математики не хотят выйти из виртуального мира Вальраса и Эрроу-Дебре. Из-за своей элитарной замкнутости они отгородились не только от реальной экономики и, даже, не только от чистой экономической теории, но и от чистой математики и ее последних достижений. Таким образом, препятствием для развития экономической науки является опять таки ее догматизация и идеологизация, а не сама по себе математизация.

3. Противоречия, которых "не видят" ортодоксы

Так как методология Экономикс не признает сущность как таковую, то она не исследует ее и потому не видит вышеуказанных взаимосвязей. Эти взаимосвязи не видны внешне, на уровне явлений. Даже, наоборот, при непосредственном наблюдении некоторые явления могут казаться не только независимыми друг от друга, но и противоположными, и, даже, взаимоисключающими. Поэтому неоклассическая теория не осознает глубокую внутреннюю связь между внешне самостоятельными и противоположными категориями - производством и потреблением,

спросом и предложением, полезностью и затратами, прибылью и сбережением и т.д. Производство исследуется отдельно от потребления, полезность - отдельно от затрат, спрос - отдельно от предложения и т.д. Такой метод не позволяет видеть внутреннего единства этих противоположностей. Поэтому, теория производства органически не связана с теорией потребления, теория спроса - с теорией предложения, теория полезности - с теорией издержек и т.д. Вот примеры некоторых из тех существенных отношений, которые не видит неоклассическая теория из-за ложной методологии, из-за неспособности и нежелания исследовать **сущность** экономических процессов и неспособности видеть экономику как **целостность**:

1. Согласно неоклассической теории экономика есть односторонний (а не круговой) процесс, направленный от первичных ресурсов к конечным продуктам и в которой не рассматривается проблема того, как воспроизводятся сами первичные ресурсы. Она не учитывает глубокую внутреннюю связь между производством и потреблением вообще. Но они неразрывно связаны.

"Производство есть непосредственно также и потребление. Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют производительным потреблением.... Потребление есть непосредственно также и производство, ... в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело , Это — потребительное производство." (Маркс, 1958, с.716). "... продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления - продукт, отличный от потребителя." (Маркс, 1978, с.195).

Процесс производства продуктов сам же и есть процесс потребления ресурсов, а потребление ресурсов - производство продуктов. То есть, в сущности, это два аспекта одного и того же процесса преобразования одних благ в другие. В рыночной экономике, где блага имеют форму товаров, этот процесс принимает форму "преобразования одних товаров в другие".

В силу этого обстоятельства неразрывно связаны также и сектор производства с сектором потребления. Дело в том, что первичными ресурсами для производства являются не факторы производства (труд, земля и капитал), а их услуги. (См.: Вальрас, 2000, с. 152) Соответственно, собственники факторов производства продают предпринимателям не сами факторы производства, а либо их "услуги", либо "права пользования услугами". Ибо продавать эти "услуги" или "права" и сохранять их в качестве постоянного источника доходов, они могут только благодаря тому, что они не продают сами факторы производства. В любом случае, воспроизводство первичных ресурсов ("услуг" и "прав") в качестве товаров, сводится к воспроизводству жизни собственников факторов производства. А значит - сводится к потреблению конечных продуктов этими собственниками. Отсюда следует, что сфера потребления конечных продуктов есть сфера воспроизводства первичных ресурсов, а сфера производства конечных продуктов есть сфера потребления первичных ресурсов. Каждый из этих секторов производит товары, которые потребляет противоположный сектор. Поэтому то, что есть "ресурс" для одной стороны, есть "продукт" для другой стороны. Как раз в силу этого противоречия они становятся необходимыми друг для друга, становятся необходимыми частями единого целого. Это целое как раз и диктует пропорции общественного производства и потребления. Это целое есть рыночная

экономика "производящая товары посредством товаров". А противоречие между производством и потреблением, как частями единого целого, разрешается путем рыночного обмена.

Но поскольку неоклассики исследуют производство и потребление изолированно друг от друга, то они теряют из виду собственно экономический контекст. Остается фокусирование на неэкономических аспектах этих процессов. Результатом этого является "технологизм" теории производства и "психологизм" теории потребления и полное отсутствие понимания экономической сущности этих процессов.

2. Спрос и предложение есть внешне противоположные явления рыночного процесса. Спрос есть желание купить, предложение - желание продать. Но желание купить товар есть желание "продать" деньги, а желание продать товар есть желание "купить" деньги. То есть, в сущности, и то и другое есть желание обменять одни экономические блага на другие. И в этом смысле они тождественны. Они противоположны и тождественны одновременно. Это и есть диалектическое противоречие, которое существует объективно, и в отличие от логического противоречия не есть результат ошибки в мышлении. Поскольку невозможно желать купить товар, и не желать продать другой товар, то и субъект не может быть покупателем, не будучи продавцом. Каждая сторона в обмене одновременно есть и покупатель и продавец. Как видим, спрос не может быть без предложения, а предложение - без спроса, купля - без продажи и продажа - без купли и т.д. "Меновая стоимость — это свойство определенных вещей, состоящее в том, что они не могут быть получены или уступлены бесплатно, а могут быть куплены и проданы, получены и отданы в известной количественной пропорции в обмен на другие вещи. Покупатель

одной вещи является продавцом той, что он дает в обмен. Продавец одной вещи является покупателем той, что он получает в обмен." (Вальрас, 2000, с. 35) В силу этого, эти процессы хотя и взаимно противоположны, но они дополняют друг друга и вместе образуют целостность, которая и есть рынок.

3. Полезность и затраты - это противоположные явления, но они также имеют одну и ту же сущность. Оба они представляют собой телеологическое отношение, отношение субъекта к объектам сквозь призму его потребностей (удовлетворенных, и неудовлетворенных). Экономическая полезность - это способность удовлетворять потребности, а в результате этого удовлетворения она превращается в затраты. Экономические затраты - это полезности, принесенные в жертву ради удовлетворения потребности. То есть полезность соотносится с неудовлетворенной потребностью, а затраты - с удовлетворенной. Если в результате потребления полезности потребности не удовлетворены, и если полезность не превратилась в затраты, то, значит, она превращается в потери. Полезность - это будущие затраты, а затраты - это прошлая полезность. А в результате этих затрат будет создана новая полезность. В процессе деятельности они трансформируются друг в друга параллельно с процессом удовлетворения одних потребностей и возникновения - других. Экономические полезности и затраты внутренне взаимосвязаны и лишь вместе образуют единое целое - экономическую ценность, рыночным проявлением которой и является цена. Без понимания экономической ценности как единства полезности и затрат невозможно понять - как формируются цены, как могут они одновременно измерять, и общественные затраты на производство товара, и их общественную полезность, и как вообще происходит рыночное саморегулирование. Еще Ф.Визер указывал на

взаимосвязь между полезностью и затратами: "...[Т]еоретик должен охватывать все экономические явления в их взаимосвязи, обусловленной единством экономики. Понятия полезности и издержек также в конечном счете связаны друг с другом, и их глубинный смысл можно постичь только тогда, когда понята их внутренняя взаимосвязь".¹⁶ (См.: Визер)

В результате непонимания взаимной обусловленности полезности и затрат теории стоимости получали либо "полезностную", либо "затратную" трактовку. Но поскольку из-за односторонней трактовки стоимости и те и другие теории приходили в противоречие с фактами, то неоклассики решили практически отказаться от теории стоимости и ограничились лишь анализом цены и ценообразования. Но стоимость есть сущность цены, а цена есть лишь внешнее проявление стоимости. Цена есть показатель соотношения стоимостей обмениваемых товаров. Но можно ли понять как формируется показатель, без знания того, что он показывает? Можно ли понять что представляют собой показатель веса или единица веса (килограмм, тонна) без понимания того что собственно представляет собой вес, как таковой?

4. Также внутренне взаимосвязаны прибыль и сбережения, которые возникают в процессе производства и потребления товаров в условиях одной и той же системы цен. Ведь чередование доходов и расходов имеет место и в

¹⁶ При этом рыночная цена, в которой проявляется экономическая ценность, также есть единство цены спроса (в которой проявляется полезность) и цены предложения (в которой проявляются затраты). Не вдаваясь в подробности замечу, что затраты, одно из фундаментальных категорий экономической науки, до сих пор не имеет удовлетворительной дефиниции. Так же как и полезность, затраты это не вещь, а отношение субъекта к вещам, вовлеченным в экономическую деятельность.

сфере производства и в сфере потребления. Доходы производителей есть расходы потребителей, а расходы производителей - доходы потребителей. Соответственно и разность между доходами и расходами принимает для них зеркально противоположные формы - прибыли и сбережения. Но именно поэтому валовая прибыль и валовые сбережения внутренне взаимосвязаны. Коль скоро доходы одних есть расходы других и наоборот, то прибыль и сбережения не могут быть независимыми величинами. Поскольку доходы и расходы, как производителей, так и потребителей зависят от цен продуктов и ресурсов, то чем больше цены продуктов растут относительно цен ресурсов, тем больше прибыль и тем меньше сбережения. И наоборот. Чем больше цены ресурсов растут относительно цен продуктов, тем больше сбережения и тем меньше прибыль. То есть изменение соотношения цен первичных ресурсов и конечных продуктов в рыночной экономике противоположным образом отражается на величине валовой прибыли и валовых сбережений. А в условиях равновесных (оптимальных) цен валовая прибыль и сбережения равны между собой. Без понимания этого процесса невозможно понять причины дисбаланса экономики и возникновения экономических циклов.

5. Так же как текущее потребление есть обратная сторона текущего производства, или как долг есть обратная сторона кредита, так и потребление в долг есть обратная сторона инвестирования. Инвестирование означает долгосрочное вложение ресурсов в инвестиционный проект в настоящем с целью получения выгоды в будущем. Но до тех пор, пока выгода будет получена, инвестированные ресурсы потребляются в долг, который будет погашен в будущем из будущих результатов проекта. Ибо осуществление инвестиционного проекта невозможно без потребления инвестированных ресурсов. А поскольку эти

ресурсы потребляются не для текущих, а ради получения будущих результатов, то ясно, что до их получения это потребление не может быть чем либо иным, кроме как потреблением в долг. Если же эти ресурсы потребляются для получения текущих результатов, для удовлетворения текущих потребностей, то это уже не инвестирование, а просто потребление.

Если кто-то один инвестирует, значит, кто-то другой потребляет в долг. Одно невозможно без другого. Они представляют собой два аспекта одного и того же процесса перераспределения во времени производственных и потребительских возможностей. Более того, такое перераспределение возможно не только между различными субъектами. Но и сам субъект осуществляет такое перераспределение с целью оптимизации своей деятельности. И от субъекта зависит, относится ли он к текущему потреблению как к расходам ради будущих выгод, или как к выгоде в настоящем за счет сокращения будущих выгод, т.е. относится ли он к ним как к инвестициям, или как к дезинвестициям. Они подразумевают изъятие избыточных экономических благ (возможностей) из одного временно-го интервала и привлечение их в другой интервал времени.

Приведенные примеры демонстрируют объективно существующие в экономике противоречия, которых "не видят" ортодоксы ибо, согласно их методологии, противоречие "не имеет права на существование" и для них всякое противоречие есть результат логической ошибки.

4. Можно ли заглянуть "по ту сторону" фактов?

Кому-то может показаться, что все это только "диалектическая риторика" и "игра слов", не имеющая значения с научной точки зрения. Но это далеко не так. Эти переходы противоположных категорий друг в друга отражают "реальную жизнь" экономических процессов. А путем диалектического мышления можно получить такое "новое знание", которое невозможно получить ни непосредственными наблюдениями над эмпирическими фактами, ни силлогизмами формальной логики, ни математическими методами.

Например, согласно вышесказанному, оказалось, что все субъекты одновременно являются производителями и потребителями, продавцами и покупателями, кредиторами и должниками и т.д. Как таковые они не отличаются друг от друга и вместе составляют некоторое множество одинаковых субъектов. Вместе с тем, оказалось, что каждый из них производит то, что потребляют другие, и потребляет то, что производят другие. Тем самым, субъекты оказываются "привязанными" друг к другу. **Множество** субъектов оказывается их **единством**, оказывается **целостностью**, замкнутой **системой** отношений, каковым и является экономический организм общества.¹⁷

Соответственно, каждый субъект оказывается частью этой целостности. Это значит, что не только действия индивидов обуславливают функционирование экономического организма, но и функционирование этого организма в целом обуславливает действия отдельных индивидов. Не только индивиды формируют общество, но и общество

¹⁷ Чтобы понять, как функционирует открытая экономика, необходимо предварительно понять, как функционирует замкнутая экономика.

формирует индивидов. Являясь членом общества, индивид становится его частью, как экономический субъект он становится частью единого экономического организма. Ибо оказывается, что потребности индивида – это часть общественных потребностей, производственные возможности индивида – это часть производственных возможностей общества, индивидуальный спрос или предложение – это часть общественного спроса или предложения и т.д. Отсюда ясно, что, казалось бы, независимые индивиды оказываются зависимыми друг от друга так же, как элементы единой системы.

А так как возможности общества ограничены (имеющимися ресурсами и технологиями), то, если один потребляет больше, то кто-то другой должен потреблять меньше, если кто-то потребляет в долг, кто-то должен инвестировать. Кроме того, тот, кто потребляет в долг сегодня, в будущем будет вынужден ограничить потребление, а тот, кто-то инвестирует сегодня (сокращает текущее потребление), то в будущем сможет расширить потребление и т.д. Если в целом общество сегодня инвестирует больше, чем потребляет в долг, то завтра сможет увеличить потребление. И наоборот, если потребляет в долг больше, чем инвестирует (проедает запасы ресурсов), то завтра придется сокращать потребление. Т.е. возникают колебания экономической активности.

Эта система самодостаточна, содержит в себе все необходимые элементы и ни в чем другом не нуждается. Ибо в самой системе производится все, что потребляется и потребляется все, что производится. Одни производят конечные или промежуточные продукты, другие – воспроизводят первичные ресурсы. Однако, как было показано ранее, такое деление на продукты и ресурсы - условно. Это относительные понятия. Все блага одновременно являются "продуктами" для их производителей и "ресурсами" - для

их потребителей, все они обладают экономической ценностью, которая воспринимается в качестве затрат для производителей, и полезности - для потребителей и т.д.

Поскольку каждый субъект должен производить для других, и все другие должны производить для него, то существует необходимость отраслевого структурирования общественного производства в соответствии со структурой общественных потребностей. Совокупный объем производства того или иного блага должен соответствовать совокупному объему потребления этого блага. Если объединить всех производителей однородных товаров, и следовательно, также и потребителей однородных товаров (ибо для их производства требуется одни и те же потребляемые товары), то получим отрасли экономики. Каждая из отраслей преобразует некоторое множество потребляемых товаров в производимый им товар. А для того, чтобы этот процесс продолжался перманентно, производимый товар обменивается на потребляемые товары. При этом в условиях оптимального функционирования экономики, каждая отрасль должна производить товар в количестве, необходимом для удовлетворения потребностей всех потребителей. И далее, обменять свой товар на все нужные ему товары. Поэтому, в условиях оптимальности, в результате обмена не остается лишних непроданных товаров. А оптимальные цены это такие пропорции обмена товаров, при которых все товары реализуются.

Из вышесказанного можем заключить, что оптимальным является состояние, при котором стоимость "продукции" данной отрасли, потребляемой в других отраслях, соответствует стоимости "продукции" других отраслей, потребляемых в данной отрасли. Это состояние общего равновесия, при котором не возникает дефицитов и излишков, устанавливаются оптимальные пропорции обмена товаров (равновесные цены), предложение и спрос

отражают производство и потребление и, следовательно, тоже уравновешены и т.д.

По существу - это закон общего равновесия, который формирует оптимальные пропорции производства и потребления благ в условиях совершенной конкуренции, при котором не возникают дефициты и излишки. Не имеет значения абсолютный объем производства и потребления, речь идет лишь об их пропорциях. При этом этот закон является таковым не в смысле **повторяемости**, а в смысле **необходимости** (т.е. в интерпретации диалектики, а не эмпиризма). Ибо, в случае соблюдения этого закона, замкнутая экономическая система с необходимостью находится в равновесии и в ней устанавливаются такие пропорции обмена товаров (то есть цены), при котором все, что производится в системе, потребляется в ней, и все, что потребляется в системе, производится в ней. А если эти пропорции нарушаются, то с необходимостью произойдет отклонение от равновесия и нарушится целостность экономики, возникнут дефициты и излишки.

И дело даже не в том, существует ли в действительности такое идеальное состояние экономики. Разумеется, не существует, так же, как, впрочем, и не существует совершенной конкуренции. И что самое главное, не существует потому, что здесь не учтено существование прибыли, сбережений, инвестиций и потребления в долг.¹⁸ Касательно этого вопроса, не вдаваясь в подробности,

¹⁸ Функционирование системы структурировано не только по отраслям, но и во времени. Если учесть структурирование времени на интервалы (условно - прошлое, настоящее и будущее), то следует принять во внимание существование прибыли, сбережений, инвестиций и потребления в долг. При этом, наряду с меновыми отношениями появляются кредитные отношения, а также, факторы риска, страхования и необходимость их вознаграждения. Соответственно, формулировка условия равновесия требует уточнения.

можно отметить лишь следующее. Неспособностью познать сущность обусловлено то, что неоклассическая теория, хотя фиксирует связь между сбережениями и инвестициями, но совершенно не осознает взаимозависимости между сбережениями и прибылью, также, между инвестициями и потреблением в долг. Значит, не осознает связи между всеми вышеназванными категориями (сбережениями, прибылью, инвестициями, потреблением в долг), которая существует в рамках замкнутой экономической системы. Но без этого также невозможно понять, как формируется общее равновесие, как возникают экономические циклы. (См.: Леиашвили, 2011; Leishvily, 2011, 2012.)

Тем не менее, вышеописанный идеальный конструкт необходим для понимания того, что представляет собой общее экономическое равновесие. И только после этого можно понять, что значит отклонение от равновесия, как происходит саморегулирование отраслевой структуры или экономической активности (экономические циклы), что происходит при монополизации, государственном вмешательстве, внешней торговле и т.д. В данном случае мы не касаемся этих вопросов. Мы хотим лишь показать, что исследование сущности экономических процессов с помощью диалектического метода позволяет обнаружить нечто такое, что не видно непосредственно на уровне эмпирических фактов и явлений и что невозможно обнаружить с помощью формальной логики или математическими методами. Ибо это "нечто" не есть эмпирический факт или явление. Это "нечто" находится по ту сторону явлений и представляет собой всеобщие и необходимые каузальные отношения между ними, то есть законы, как стабильная и неизменная основа всего изменчивого мира преходящих экономических явлений. Сами явления и единичные факты возникают и исчезают, порождают и

уничтожают друг друга. Но фундаментальные, необходимые причинно-следственные отношения между ними, то есть экономические законы, по которым они взаимодействуют, остаются неизменными. Как раз их и следует познать для того, чтобы понять, как функционирует децентрализованная экономика.

Экономикс отражает только внешнюю, видимую часть экономической реальности. Но такое поверхностное, частичное отражение реальности не позволяет даже описать адекватно экономическую реальность, и тем более не позволяет понять ее. Меинстрим не может понять экономические процессы в их единстве и взаимообусловленности. А без понимания того, как функционирует рыночная экономика, невозможно составить адекватные экономические модели. Поэтому современные экономические модели, в том числе модели равновесия, также не отражают реальности.¹⁹

5. Догматизация экономической теории

Экономикс находится в тисках эмпиризма, но не только эмпиризма. В начале текста было отмечено, что методы исследования, применяемые в экономикс являются одним из главных факторов, вызвавших столь продолжительный застой в развитии экономической теории. Однако есть и другой фактор, не менее важный, не позволяющий выйти из этого застоя. Суть этого фактора

¹⁹ Неспособность неоклассиков создать адекватную модель равновесия ведет к дискредитации идеи общего экономического равновесия. Однако, ложной является не сама идея экономического равновесия, а предпосылки, на которых строятся модели равновесия.

можно выразить так: «... [Э]кономическая теория справилась со многими атаками на нее не потому, что она достаточно сильна, чтобы устоять против них, а потому, что она достаточно сильна, чтобы игнорировать их». (Keen, 2011, p.24). Это явление называется догматизацией науки. Сегодня в Западном научном мире экономистов экономикс догматизирован не меньше, чем политэкономия в СССР.²⁰ Разумеется, это фактор не научного характера. Он действует контрпродуктивно, но безотказно. Однако как стало возможным, чтобы научное сообщество игнорировало разумные аргументы критики и, главное, почему? Ведь без критики наука мертва, превращается в перечень догм, в которые можно верить или не верить, но невозможно понять? Возможно ответ на этот вопрос следует искать в словах Марка Блауга:

²⁰ Еще в 2001 году Джеймс Гелбрейт (Гелбрейт младший), перечислив пять догм современной экономикс, писал: «Действительность прямо противоречит всем этим пяти догмам, которые я только что перечислил. Лишь несколько экономистов все еще формально защищают какую-либо из них. Как показывает программа 2000 года Американской экономической ассоциации, эти убеждения не отразились на исследовательской программе лидеров профессии. Но они также и все еще не отброшены. Они продолжают формировать суть идеологии экономической профессии, особенно, в понимании аутсайдеров. ... Почему это так? Причина совершенно ясна. Лидирующие активные члены сегодняшней профессии экономикс, поколение сейчас в возрасте 40-х и 50-х, объединились в нечто подобное политбюро для правильного экономического мышления. Они противятся большинству фундаментальных, приличных и разумных реформ, предлагая взамен плацебо. Они всегда удивляются, если в действительности происходит что-то не так (подобно рецессиям). ... И когда наконец они осознают, что та или иная точка зрения не может найти поддержку, они не пересматривают свои идеи. Они просто меняют тему. В этом клубе никто не теряет лица, будучи неправым. Никто не исключается для презентации доклада на последующих годовых собраниях. И еще менее кто-либо приглашается извне». (Galbraith, 2001)

«В Западном мире доминирует американский экономикс, а в американском экономикс доминируют 400-500 новых докторов наук, ежегодно ищущих работу в 3000 ВУЗах. Чтобы получить работу и обеспечить продвижение по службе, необходимо публиковаться в каких-либо из (около) 500 рецензируемых англоязычных журналов по экономикс, особенно в десятке (или около) лидирующих рецензируемых журналов. Что бы ни говорили против технизированного, математически выраженного моделирования экономических явлений, остается фактом, что статьи, изложенные в такой форме, легче писать, если выучена формула, и легче оценивать и рецензировать, чем те, которые изложены в словах и диаграммах. В ежеквартально издаваемых 500 журналах ежегодно публикуется около 10,000 статей по экономикс, которые рецензируются возможно 200-300 учеными ведущих университетов Америки, чьи студенты станут рецензентами статей в следующем поколении, статей, которые будут, конечно, очень похожи на статьи, которые они сами сейчас пишут и публикуют. Другими словами, мы создали настоящий профессиональный локомотив со встроенным в него импульсом, который постоянно подпитывается желанием публиковаться в престижных журналах для того, чтобы получить работу в престижных институтах, в которых зарплата почти в два раза больше чем получают в академической «Сибири»». (Blaug, 1997, p.7).

К этому следует добавить, что 1) миллионы студентов почти во всех странах мира обучаются по стандартным программам экономикс, 2) на протяжении многих лет, ежегодно издаются для них миллионными тиражами сотни различных учебников по Экономикс, написанные разными авторами, но в которых излагается одна и та же парадигма,

3) огромное количество авторов и издательств получают миллионы долларов от издания этих учебников. Радикальные изменения парадигмы сделают бесполезными и уже освоенные учебные программы, и учебники по экономике а огромному корпусу профессоров придется осваивать новые учебные программы, писать новые учебники и т.д. Все эти факторы еще более проясняют причины огромной инерции того «профессионального локомотива», о котором пишет Марк Блауг. В связи с мировым экономическим кризисом 2008 г. в своей статье «Токсичные учебники» Э. Фулброк пишет:

«Ни одна научная дисциплина никогда не испытывала системный крах такого масштаба, какой экономикс испытал сегодня. экономисты проглядели приближение крупнейшего экономического кризиса всех времен. Никогда еще профессия не предавала так сильно доверия общества, никогда так сильно она не нуждалась в фундаментальных преобразованиях». (Fullbrook, 2009).

... Сейчас почти каждому очевидно, кроме экономистов, и все более даже многим из нас, что наша коллективная неспособность увидеть катастрофу до того, как она произошла, и тот факт, что система, которая развалилась, была подогнана под учение мейнстрима, означает то, что мы, учебники, которые используем и программы, по которым мы обучаем, содержат фундаментальные заблуждения относительно того, как экономика, и особенно его рынки, функционируют. А в экономиксе нет ничего важнее, чем обучение, поскольку, как однажды заметил Гелбрейт старший, экономикс это профессия, основное назначение которой - обучение. ... «Принципы экономикс» Грегори Менкью, во всех пяти версиях, во всем мире был доминирующим текстом больше десяти лет. Кроме того, его автор, как председатель Совета экономи-

ческих консультантов президента Буша с 2003 до 2005 гг., был непосредственно вовлечен в формировании катастрофы. Поэтому учебник Менкью кажется идеальным местом для поиска ключей разгадки того, как профессия экономикс, и публика, которую она обучает, стали столь несведущи, дезинформированы и ненаблюдательны относительно того, как экономика работает в реальном мире». (Там же).

Прискорбный результат всех этих процессов есть то, что эти миллионы студентов во всем мире, будущие профессиональные экономисты, политики, лектора и ученые, сегодня обучаются экономической теории по заведомо ложным программам, и учебникам. И всю абсурдность сложившейся ситуации осознают как студенты, так и профессора, обучающие их. Свидетельством тому являются волна студенческого протеста против догматизма в обучении экономикс и петиции студентов Сорбонны, Кембриджа, Гарварда и других университетов, за которым последовали петиции протеста прогрессивно настроенных профессоров. Вот что сказано в Меморандуме 102х немецких профессоров от 13 марта 2012 г.:

«... в настоящее время стандартный путь карьерного роста в академическом мейнстриме экономикс препятствует развитию принципиально новых точек зрения на экономические проблемы. Для развития карьеры молодые ученые сегодня вынуждены публиковать статьи в узкоспециализированных научных журналах, которые придерживаются только позиций мейнстрима. Шведский экономист Бруно С. Фрей назвал эту прискорбную практику «академической проституцией», поскольку подлинно научные интересы молодых ученых систематически вытесняются оппортунизмом. Это привело к догматической герметизации

экономической теории ..., инновации систематически подвергаются дискриминации. ... Парадигмальный плюрализм крайне необходим особенно в периоды кризисов, и в нынешних условиях процесс раскрытия дисциплины для принципиально новых взглядов должен быть инициирован извне “неприступной башии” экономикс». (Memorandum, 2012)

Результатом того, что экономическая наука не может дать удовлетворительные объяснение ряда теоретических проблем, является невозможность выработать эффективную экономическую политику, а потому и неспособность преодолеть острейшие экономические проблемы, как на национальном, так и на мировом уровне. Следствием этого являются то, что миллионы людей страдают от кризисов, безработицы, нищеты, болезней, несправедливости и т.д. Совершенно ясно, что современный уровень развития научно-технического прогресса дает возможность избавиться от многих из этих проблем. Но серьезным препятствием является недостаточность знаний, накопленных экономической наукой. В сложившихся обстоятельствах сама профессия накладывает особую ответственность на экономистов, призванных дать ответы на фундаментальные вопросы экономической теории, и не меньшую ответственность на политиков и организаторов науки, призванных устранить социальные и институциональные преграды на пути дальнейшего развития экономической науки.

Заключение

1. В результате столь долго господства позитивизма в научном сообществе экономистов возник своего рода генетический механизм самосохранения этих идей, подобный тому, что существовал в советскую эпоху применительно к идеям Маркса. Эти идеи "встраиваются" в систему экономического образования, мировоззрение политической элиты, в целом в общественное сознание. Создается атмосфера тотального неприятия всего того, что угрожает монопольному господству этих десятилетиями устоявшихся идей. В этом контексте, за фасадом научных дискуссий относительно верификации неопозитивистов и фальсификации Поппера, дискриптивизма Самуэльсона и инструментализма Фридмана и т.д.²¹ - проглядывается не столько стремление неоклассиков к совершенствованию методов получения новых знаний, сколько к оправданию постфактум своих теорий. Математизация науки также используется как средство отгородиться от критики. Сегодня неоклассическая теория находится в состоянии, которое напоминает состояние марксистской политэкономии в советском обществе. Это состояние, в котором стремление к познанию истины вытесняется стремлением к сохранению своей монополии в науке, со всеми сопутствующими привилегиями в обществе. А это привело к потере способности непредвзято воспринимать научную новизну. "Ученые обыкновенно больше боятся пойти по ложному пути, нежели ошибочно отвергнуть истину; ...Такую позицию можно осуждать ... как типичное нежелание людей, чье благополучие связано с общепринятыми

²¹ да и последующие дискуссии относительно научно-исследовательских программ Лакатоса, парадигм Куна, методологического плюрализма Фейерабенда,

доктринами, поддержать новые идеи." (Блауг, 2004, с. 68) Здесь уместно также особо указать на то огромное влияние, которое научный авторитет Карла Поппера оказал на мировоззрение научного сообщества экономистов в XX веке. Под его влиянием у многих западных экономистов сформировалось предвзятое и превратное отношение к диалектике, историцизму и ко всему, к чему Поппер относился негативно.

"Гегель никогда не пользовался хорошей репутацией в англосаксонском мире, где его называли реакционным апологетом прусской монархии, предтечей тоталитаризма двадцатого века и, что с англоязычной точки зрения всего хуже, трудным в чтении метафизиком. Эта предубежденность к Гегелю не позволяла видеть его важную роль как одного из основателей современной философии. Хотим мы признать этот долг или нет, но Гегелю мы обязаны самыми фундаментальными аспектами сегодняшнего нашего общественного сознания." (Фукуяма, 2005, с. 107-108.)

Неприязнь Поппера к диалектике, Гегелю, Марксу, столь сильна, что после прочтения его трудов у читателя отпадает всякое желание ближе познакомиться с их трудами, с диалектикой вообще. (См. Поппер, 1992, 1995). (Тем более, что читать тексты Гегеля, само по себе занятие "не из легких".) Но знакомство с диалектикой в интерпретации позитивистов, неопозитивистов, постпозитивистов и особенно Поппера, дает искаженное представление о ней, и соответственно, рождает пренебрежительное отношение к ней. Все это препятствует скольконибудь серьезному отношению к любой попытке возродить интерес к диалектике. Это как раз и препятствует преодолению методологических проблем и выхода из кризиса экономической науки.

Как указывал Блауг, чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки или собрать новые факты - надо предложить новую теорию. (См. Блауг. 1994. с. 659). Но если к тому же речь идет не только о новой теории, но о новой парадигме, то очевидно, что новая парадигма не может быть основана на старой методологии. Диалектические методы исследования основаны на диалектической логике, которая принципиально отличается от формальной или математической логики, которые полностью доминируют сегодня в экономической науке. Попытка переосмыслить фундаментальные категории и весь научный инструментарий «Экономикс» на основе диалектического метода, позволит по-новому взглянуть на экономические реалии и обнаружить в них то, что невозможно обнаружить другими методами.

2. Экономическая деятельность есть разновидность человеческой деятельности вообще. А человеческая деятельность есть целесообразная деятельность. Недооценка этой истины не могло не породить, и породило многие недоразумения в теории. Рыночная экономика - это только одна форма проявления экономической деятельности, которая может проявляться так же в форме натуральной и регулируемой экономики. А чтобы понять сущность экономической деятельности, необходимо исследовать целесообразную деятельность вообще.²² Экономическая деятельность — это телеологический процесс, деятельность в соответствии с заранее поставленными целями. Это одно из фундаментальных положений, которое должно пронизывать весь корпус этой науки. Вместо

²² Если то, или иное исследуемое явление не поддается объяснению, то необходимо рассмотреть его с точки зрения более широкой системы координат, как часть более обширной системы. Это углубляет понимание сущности этого явления.

этого в мейнстриме процессы анализируются с позиций психологизма, технологизма, методологического индивидуализма. Это ведет к неадекватному отражению реальных экономических процессов. Обогащение телеологического подхода к исследованию экономической деятельности диалектическим анализом и исследование экономической деятельности в исторически-логическом контексте позволит получить принципиально новое понимание фундаментальных экономических категорий и взаимосвязей между ними, а также, новое понимание рыночных механизмов формирования общего экономического равновесия, экономических циклов и экономического роста.²³

3. Причины кризиса Экономикс лежат глубоко на уровне методологии. В рамках применяемой ею методологии логические противоречия неоклассической теории невозможно разрешить. Познать экономическую действительность означает познать ее сущность и, следовательно, познать ее как целостность, а не только как совокупность различных явлений. Сущность имеет различные формы проявления. Если ограничиваться только изучением явлений, то познание останется фрагментарным, и поверхностным. Ибо без познания сущности не будет понята внутренняя, глубинная связь, взаимообусловленность этих явлений, не будут поняты те законы и силы, которые объединяют эти явления в единый экономический организм и превращают их в части единого целого. А познать сущность экономической деятельности можно только на

²³ Ставший классическим, фундаментальный трактат Мизеса "Человеческая деятельность" основан на телеологическом понимании экономической деятельности ("праксиологии" в терминологии Мизеса). Это позволило ему приблизиться к пониманию сущности экономической деятельности, но он не смог до конца познать ее, ибо, подобно неоклассикам, он не признавал диалектику и строго придерживался методологического индивидуализма.

основе диалектических методов исследования.

4. Сегодня мейнстрим представляет собой компиляцию из различных теорий, разработанных разными авторами, в разное время и отражающих различные фрагменты экономической действительности. Теории спроса, предложения, денег, равновесия, конкуренции, потребительского выбора, факторов производства и т.д. - искусственно состыкованы между собой. Им не хватает внутреннего единства. Поэтому мейнстрим больше похож на "мертвую" конструкцию, составленную из самостоятельных блоков, чем на единую систему органически взаимосвязанных категорий и законов, отражающих "жизнь" экономического организма. Поэтому возникают нестыковки и логические противоречия между этими "блоками". Если мы хотим не только описать, но и понять, как функционирует экономика, то и понятия, должны быть такими же гибкими, переходящими друг в друга, органически взаимосвязанными в единую систему как и те явления и процессы, которые они отражают.

5. Противоречия между производством и потреблением, спросом и предложением, полезностью и затратами и т.д. существует объективно и "избавиться" от них невозможно. Если их "не заметить", то от этого они не перестанут существовать, но обязательно "высунут голову" в виде субъективных (логических) противоречий либо в самой теории, либо между теорий и фактами. Это и подтверждается обилием таких противоречий в неоклассической теории. Теория не сможет адекватно отражать экономическую реальность, если она не отражает объективно существующие в ней противоречия.

6. Парадигма экономической теории не дает нам исчерпывающе ясного понимания того, как функционирует рыночная экономика потому что она пытается **описать** экономические явления, но неспособна **объяс-**

нить сущность экономики. Разумеется, в таких условиях эффективное регулирование экономикой невозможно. Это и подтверждается кризисами, которые периодически обрушиваются на общество. Как только мы познаем сущность экономики, появится реальная возможность ее эффективного регулирования без кризисов, которые столь болезненно отражаются на благосостоянии общества. Одна-ко для познания сущности экономики необходимы новые методы исследования, соответственно, новая парадигма. Как пишет Дж. Стиглиц:

«Сменить парадигму трудно. Слишком многие слишком многое вложили в ложную модель. Подобно попыткам Птолемея защитить геоцентрическую модель мира, будут предприняты героические усилия, чтобы усложнить и усовершенствовать стандартную парадигму. В результате этого модели будут усовершенствованы и политика, основанная на них, возможно, будет лучше, но они тоже обречены на провал. Только смена парадигмы может сделать это. Но я верю, что новая парадигма существует в пределах нашего взора: интеллектуальные строительные блоки существуют» . (Stiglitz, 2010).

Все более нарастающий дух протеста против догматизма и «усыпляющей схоластики» (Блауг), господствующий в мейнстриме, и порожденный им дух плюрализма в экономической науке, особенно усилившийся после мирового экономического кризиса, позволяет надеяться, что столкновение противоположных точек зрения породит новые идеи, которые откроют глаза на сущность экономической действительности и "вдохнут жизнь" в застывшие, безжизненные категории "мрачной науки".

Литература

1. **Блауг М.** 2004. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
2. **Блауг М.** 1994. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: "ДЕЛО, ЛТД".
3. **Вальрас Л.** 2000. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф.
4. **Визер Ф.** Теория общественного хозяйства.
(http://libertarium.ru/lib_mbv_v_18)
5. **Гегель Г.Ф.В.** 1974. Энциклопедия философских наук. Т.1. – М.: "Мысль".
6. **Декарт Р.** 1950. Избранные произведения. М.; Госполитиздат.
7. **Ильенков Э.** 1991. Философия и культура. М., Изд. полит. литературы.
8. **Кун Т.** 1977. Структура научных революций. М., "Прогресс".
9. **Леиашвили П.** 2011. Экономическая деятельность: телеологический анализ. Тбилиси. "Сиакле".
10. **Маркс К.** 1978. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. М., Политиздат.
11. **Маркс К., Энгельс Ф.** 1958. Сочинения. Т. 12. Изд. 2-е. М. Политиздат.
12. **Мизес Л.** 2005. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум.
13. **Поппер К.** 1983. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: "Прогресс".
14. **Поппер К.** 1992. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.; "Культурная инициатива".
15. **Поппер К.** 1995. Что такое диалектика? // Вопросы философии. №1. С. 118—138.
16. **Фридман М.** 1994. Методология позитивной экономической науки. // THESIS., вып. 4.

17. **Фукуяма Ф.** 2005. Конец истории и последний человек. М.: "АСТ:Ермак".
18. **Birck L.** 1922. The Theory of Marginal Value. London.
19. **Blaug M.** 1997. Ugly currents in modern economics. "Policy Options". September
20. **Caballero R. J.** 2010. Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives/ Vol. 24, No 4. P. 85-102.
21. **Crutchfield, J.P., J.D. Farmer, N.H. Packard, and R.S Shaw.** 1986. Chaos. //"Scientific American". Vol. 255, No. 6, pp. 46-57.
22. **Fullbrook,** 2009. Toxic Textbooks. November 08. (<http://ineteconomics.org/blog/inet/edward-fullbrook-toxic-textbooks>)
23. **Galbraith J.** 2011. How the Economists Got It Wrong. // „The American Prospect“. December, 19.
24. **Hicks J. R.** (1949) 'Mr. Harrod's dynamic theory,' *Economica*, 16(62): 106–21.
25. **Hodgson G.** 2012. On the Limits of Rational Choice Theory. // Economic Thought. Volume 1, No 1. (<http://et.worldeconomicsassociation.org/article/view/29>)
26. **Keen S.** 2011. Debunking Economics: The Naked Emperor Dethroned? London & New York, Zed Books Ltd,
27. **Leiashvily P.** 1996. "Towards the teleological understanding of economic value". // *International Journal of Social Economics*. Vol. 23, N 9.
28. **Leiashvily P.** 2011. "The Dialectics of Economic Activity (In Searching of Symmetry in Economy)," *Georgian International Journal of Science and Technology*, V.3, Issue 3.
29. **Leiashvily P.** 2012. Economic Activity: Teleological Analysis. NY, Nova Science Publishers.
30. **Samuelson P.** 1965. Professor Samuelson on Theory and Realism: Reply//American Economic Review. Vol. 55, N 5.
31. **Samuelson P., Nordhaus W.** 1992. Economics. 14-th edition, NY. McGraw-Hill., Inc.
32. **Stiglitz J.** 2010, Needed: a new economic paradigm. // *The Financial Times*, August 19, (<http://ineteconomics.org/stiglitz-new-paradigm>)

33. «Towards a renewal of economics as a social science». 103
Professors of the German-speaking World Issue Memorandum
for Paradigmatic Openness and the Integration of Ethical
Reflection into Economics. Berlin, 13 March 2012. // *World
Economics Association Newsletter Volume 2, Issue 3, June 2012.*

Формат 60X84 1/16.

Бумага обсетная.

Усл. печ. л. ?.

издательство «Сиakhле»,

Тбилиси, ул. Кипшидзе, дом 10, тел.: 899 53 04 87

E-mail: siakhle@gmail.com